

Виталий Каплан
КОРПУС

Виталий Каплан
Корпус

«Автор»

1991

Каплан В. М.

Корпус / В. М. Каплан — «Автор», 1991

ISBN 5-93229-083-8

Странный и страшный мир — некий Корпус, где из обычных подростков кто-то, обладающий нечеловеческим могуществом, пытается вырастить будущих повелителей Земли... которая окажется поработана Теми, Кто Без Имени и Формы. Но не всё пошло по плану — 15-й летний Костя, один из лишённых памяти подростков, «срывается с нарезки» и начинает свою игру. И то же самое, только с другого конца, происходит с воспитателем Сергеем Петровичем, давно завербованным в проект. Но борьба им предстоит трудная, и самая большая трудность — понять самих себя. Текст представлен в авторской редакции.

ISBN 5-93229-083-8

© Каплан В. М., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	11
3	17
4	22
5	26
Часть вторая	30
1	30
2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виталий Каплан

Корпус

Часть первая

Группа

1

Звонок вонзился в тишину Групповой миллионами холодных игл. И сверлил уши, не переставая ни на секунду, всё на одной и той же высокой, надоедливо-острой ноте, пока, наконец, не оборвался. Но слабые его отзвуки долго ещё дрожали в душном сером воздухе, никак не желая исчезать.

Пора бы уже привыкнуть. Вон их сколько бывает каждый день! Это обычное дело, как белые тарелки в столовой, как стенды или простыни. Но почему-то Костя не привыкал. Слыша звонок, он то и дело вздрагивал, сжимался, у него ныли зубы и портилось настроение. К счастью, ненадолго.

Вот и сейчас он вздохнул и, отложив пухлую книгу в темно-зелёной коленкоровой обложке, вылез из-за парты. На самом интересном месте прервали! Но ничего не поделаешь, надо. Он подошёл к двери. Опять эта морока – строить Группу! Как же ему надоело – изо дня в день учить лопухов порядку и маршевому шагу, за руками их следить, за ногами, за тем, как они держат строй. Не слишком интересное занятие. Это тебе не Боевые Методы изучать или на Энергиях практиковаться.

Впрочем, там он лишь один из многих, там он ученик. Хочешь – не хочешь, а подчиняйся чужим командам. Зато здесь он – главный. Не кому-нибудь Группу доверили, а ему. Пускай доверили временно, но что с того? Он знает, что так положено. Все прошлые Помощники сперва считались Временными, а потом как-то незаметно делались Постоянными. Многие сейчас, наверное, уже в Стажёрах.

– Внимание, Группа! – гаркнул он что есть силы. – Начинаю отсчёт. Все усвоили? Ну, поехали. Раз... Два... Три... Четыре...

Голос его наполнял Групповую сильными упругими волнами, слова, точно волейбольные мячи, отражались от выкрашенных бледно-салатовой краской стен. Всё-таки есть, есть у него командный голос! А сколько пришлось тренироваться, репетировать ночами в туалете, сколько было мучений и даже, если говорить честно, тайных слёз. Ладно, нечего вспоминать. Теперь всё это в прошлом.

– Десять! – он медленно, вкрадчивой кошачьей походочкой двигался вдоль шеренги замерших ребят. – И кто у нас на сей раз последним построился? Опять Рыжий? Понятненько. И сколько это будет продолжаться, Рыжий? А? Не слышу ответа. В общем, всё, лопнуло моё терпение. После обеда придётся тебя малость повоспитывать. Тянул я это дело, тянул, да видно, зря. Что-то разболтался ты в последнее время до ужаса. Нехорошо! Так что готовься к разборочке. Кстати, всех касается!

Он неторопливым взглядом обвёл строй. Ну что ж, неплохо, весьма даже неплохо. Пацаны стояли друг другу в затылок, строго по росту. Никто не перепутал своё место, никто не задел соседа. Кое-чего он от них всё же добился. Воспитатель Второго Ранга Сергей Петрович (Серпет, как его ребята называют) будет им доволен. Наверное, скоро переведёт в

Постоянные Помощники. А там и до Стажёрства недалеко. Недаром Серпет любит повторять: «Мы сами куём собственное счастье». Так что должно получиться, должно!

А Рыжова и в самом деле пора наказывать. Угрозы не помогают, значит, надо переходить к делу. Хватит с ним нянчиться, не маленький. Да и не такой уж он тупой, хоть что-то должен же понимать. Но, видимо, понимать не хочет. Как осрамились из-за него на той линейке! Всё так здорово шло – и тут Рыжий спутал свою правую ногу с левой. И главное, при этом позоре присутствовал сам Заместитель Первого Координатора!

Кончилось тем, что Группу на всю неделю оставили без полдника. И у Кости с Серпетом состоялся неприятный разговор. Проще сказать, гнилой базар. Конечно, Серпет прав. Кто Временный Помощник? Он, Костя. А по инструкции Помощник лично отвечает за всё, что в Группе творится. Кому, стало быть, шею мылить?

Но хуже всего оказался конец разговора. Серпет надолго замолчал тогда, а потом хмуро обронил: «Ну ты хоть понимаешь, что меня подставил? Сколько раз я тебе предлагал: не уверен в Группе – давай пока не будем выводить. Так нет, обязательно надо быть впереди планеты всей. Вот и обгадились мы с тобой...» Так и сказал.

А всё из-за недоумка Рыжова.

– Группа! Равняйся! Смир-рна! В столовую на обед шагом марш!

Костя и сам не понимал, зачем в столовую, что удалена от Групповой всего-то метров на двадцать, шагать строем. Но смысл, конечно, есть. Серпет в таких случаях говорит: «А это чтобы жизнь мёдом не казалась». Вообще-то правильно. С ними, с козлами этими, только ослабь – и такое начнётся! Сразу пойдёт борзёж, нахальство, драки, а кое-кто (он хорошо знает, кто) попытается выдвинуться в основные. И всё придётся начинать с нуля. Это ведь только сейчас они такие, воспитанные. А копнуть глубже – там столько всего обнаружится...

До столовой недалеко – тридцать два шага по узкому коридору, увешанному стендами про гигиену. Над каждым стендом мерцает тоненькая синеватая люминесцентная лампа. Нарисованные мухи и тараканы в этом малость неживом свете выглядят зловеще. Словно и не обычные насекомые, а посланцы загадочных тёмных сил. А надписи на стендах, наоборот, смешные и глупые: «*Неприменно мойте руки перед едой!*». Как же, попробуй не вымыть! Обязательно заметят, накачают запись в журнал Наблюдений. Потом неприятностей не оберётся. Или вот: «*Курение – зло!*». Да разве здесь подымишь? А между прочим, хочется, между прочим, тянет. Грызёт мозг что-то такое смутное, и от этого пусто делается на душе. Нет, ерунда! Он же никогда в жизни не курил, а значит, этим воспоминаниям просто неоткуда взяться. Тем более, где достать курево? А даже если бы и удалось – на минуту он представил такую немыслимую возможность – всё равно заловят. Вот тогда бы началось! Тогда прощай все мечты. Это тебе не грязные руки. Это, как ни крути, *тайная деятельность*, о которой говорится в Обещании.

Там, в тексте, много чего говорилось, но Костя не запомнил. Обещание они произнесли всего один раз, хором, и очень давно – сейчас даже и не вспомнить, когда это было. Тогда-то они его знали наизусть – целую неделю из-за парт не вылезали, зубрили. А когда говорили вслух – кажется, в каком-то полутёмном зале с чёрными мраморными стенами – Голос внутри головы негромко подсказывал слова. После этот Голос никогда уже не звучал, да и само обещание порядком подзабылось. Но насчёт курения там точно сказано – Костя помнил, был там специальный такой параграф. О том, чего нельзя. А на следующий день он, набравшись храбрости, спросил у Серпета об этом внутреннем Голосе. Тот выслушал и, ничуть не изменившись в лице, скучным тоном обронил: «Всё правильно. Так и должно быть».

Столовую обволакивал ароматный запах борща. Вот место, которое Косте больше всего нравилось в Корпусе. Здесь было просторно, светло, и даже воздух был каким-то не

таким, как в Групповой. Длинные столы накрыты бледно-голубыми клеёнками, расставлены глубокие тарелки, а в них – огненно-красный борщ. В пластмассовых хлебницах горками лежат серые ноздреватые куски, в круглых тонкостенных стаканах мутнеет вязкий кисель, а на стаканах плоские тарелки со вторым. Сегодня рис и котлета.

Изредка, бывало, чья-нибудь тарелка грохалась. Заденут рукавом, или локтём зацепят. Есть в Группе такие козлы, вроде Васёнкина или Рыжова. Правда, подобное случается редко, пацаны берегутся. Ведь если что-нибудь разобьёшь – Наблюдательницы тут же выведут из-за стола, и это в лучшем случае. А то ведь и в журнал Наблюдений запишут. Что непременно кончится наказанием.

Разумеется, с ним, с Костей, такого до сих пор не случилось, да и не могло никогда случиться. Он же ловкий, тренированный, чуть ли не каждый день в спортзале занимается. Кроме него, из всей Группы туда допущен только Серега Ломакин. Но он, само собой, по сравнению с Костей мелочь. Ему и четырнадцати нет. Хотя для своего щенячьего возраста он довольно крупный. Со временем, возможно, займёт его место, когда Костя будет уже младшим Стажёром. В самом деле, почему бы и нет? Иначе откуда Стажёры вообще берутся? И ежу понятно – из таких же ребят, как и он. А из него, конечно, не худший Стажёр выйдет. Это уж точно. Главное – себя показать, чтобы ещё до Распределения заметили. Впрочем, кажется, его уже заметили. Группу не кому-нибудь поручили, ему! Пускай временно, но всё впереди.

Ладно, что-то он замечтался. А мечтать некогда. Надо делом заниматься.

– Группа! На месте стой – раз-два! – скомандовал Костя. – Дежурный! Начать Благодарственное Слово!

Сегодня дежурит Вовка Зайцев, чернявый такой парнишка, шустрый донельзя. Всё бы ему поржать. Косте пришлось даже малость его окоротить. Главное в таких делах – не опоздать.

Сейчас Вовка напряжён и серьёзен. Оно и понятно – Благодарственное Слово как-никак.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо! – затараторил Вовка, надувая зарумянившиеся щёки. – Спасибо за мудрость наших Воспитателей! Спасибо за зоркость наших Наблюдателей! Спасибо за чистые простыни, за вкусную пищу и за Эффективный Контроль! За доблестный труд Учителей и Контролёров, Санитаров и Координаторов! Слава! Слава! Слава! Слава будущему великому Предназначению! Слава Непостижимой Цели! Слава мудрому Верховному Сумматору! Слава! Слава! Слава!

Последнюю фразу все произнесли хором. Странное дело, всякий раз у Кости при этом пощипывало глаза. Как услышишь – Предназначение, Непостижимая Цель – так сразу приливает к сердцу тёплая, радостная, хотя и слегка тревожная волна. Конечно, смысла этих слов ему не понять – рано ещё. После Распределения они всё узнают. Но уже сейчас от Благодарственного Слова хорошо. И не только ему – всем. Конечно, эти двадцать парней – те ещё ребята, конечно, с ними нужен глаз да глаз, нужна строгость, но всё же...

В такие минуты Костя отчетливо понимал, что он и они – единое целое. Группа. И они дороги ему, хотя смешно было бы произнести подобные слова вслух. А ведь возникает перед глазами невидимое жаркое облако.

Правда, ненадолго. Отблагодарили – теперь можно и подзаправиться.

Сегодня дежурило всего двое Наблюдательниц. Пожилая, сморщенная как высохшее яблоко Маргарита Ивановна и полнокровная молодая особа Светлана Андреевна. Если говорить честно, Костя иногда на неё поглядывал. Не просто поглядывал, а по-особому. Он и сам не понимал, чего ему хотелось, но сердце прыгало в грудной клетке точно неукротимый зверь.

Она, конечно, Костиных взглядов не замечала. Ну в самом деле, кто он такой? Пацан, которому всего-навсего пятнадцать. Которому глупо на что-либо рассчитывать.

Сегодня Светлана Андреевна держалась довольно странно. На щеках – красные пятна, под глазами – разводы (косметика у неё, что ли, потекла?), а движения непривычно резкие. Про таких говорят: «Как пыльным мешком по голове стукнутый».

Вон как лихо тележку с ящиком притормозила – чуть в стол не врезалась. Интересно, что ей будет, если ящик разобьётся? Впрочем, без толку гадать – он круглым счётом ничего о Наблюдательницах не знает.

– Ну-ка, ребятки, приготовьтесь глотать, – негромко скомандовала Маргарита Ивановна, склоняясь над тележкой. Она открыла пухлый журнал в обложке из коричневой кожи, отчеркнула там что-то ногтем и недовольно хмыкнула.

Потом каждому давали его Питьё. В ящике – множество ячеек, сверху наклеены бумажки с фамилиями, в каждой ячейке пузырёк. Вкус обычно бывает омерзительный. А что поделаешь – надо! Налют Питьё в ложку, сглотнёшь, скривишься – и тут же запьёшь супом или киселём. Косте смутно помнилось, что очень давно он, маленький и глупый, пробовал потихоньку выплюнуть. И ничего, конечно, этим не добился. Отвели в спецкомнату и наказали, а после он поумнел и привык.

Сейчас – даже приятно, особенно если ложку даёт Светлана Андреевна. И не поворачивается язык назвать её Светандрой, как это принято у ребят. А приходится называть. Хочешь – не хочешь, а будь как все.

Другое дело Маргарита Ивановна. Попросту говоря, Марва. Неприятная тётка, въедливая. Если уж в её седую башку влезет мысль к чему-нибудь придраться – она не отцепится, пока сама не устанет.

Что самое противное – она упорно не желает замечать, что Костя уже давно Временный Помощник на Группе, а не какой-нибудь там Рыжов, Галкин или Семёнов. На прошлой неделе обнаружила беспорядок в его тумбочке – и тут же накатила кляuzu в журнал. После этого Серпет на Костю как-то подозрительно поглядывал, хотя и не сказал ничего. Вот и приходится с этой тёткой держать ухо востро.

Костя ел без аппетита. Почему-то его вдруг затошнило, даром что кормёжка отличная. Такое с ним иногда случалось. Он знал, надо делать вид, будто всё в порядке. А то мало ли... Потащат в Изолятор, а там вдруг обнаружится, что он не годен на Стажёра по медицине.

Да и вообще все эти тошноты – чепуха. Наверное, от настроения. А может, освещение на него так действует? Сзади, из высоких чистых окон скупой льётся серовато-жёлтый зимний свет, расплывается тусклыми пятнами по стенам, по потолку. А на потолке почему-то горят неяркие, засиженные мухами плафоны. Зачем горят, если сейчас день? И откуда взялись мухи? Не со стендов ли про гигиену?

Ладно, пора заканчивать. Костя вылез из-за стола, скомандовал построение – и ребята тем же медленным чётким шагом отправились в палату. Светлана Андреевна крикнула им вслед: «Чтобы через пять минут была полная тишина!»

А на самом деле, конечно, никакие не пять минут, а минимум полчаса. У Наблюдательниц сейчас кончается смена, на пост другие заступают, и всё это долго длится – они треплются о своём, о бабьем. Называется – «передача смены». Пока они болтают, можно переделывать уйму всяких дел.

В палате Костя не спеша стянул с койки покрывало, аккуратно сложил его вчетверо и повесил на сверкающую стальную спинку кровати. Потом разделся, но под одеяло не нырнул. Оглядев ребят – все ли как положено разобрали постели, все ли готовы к тому, что будет – он сел на тумбочку и произнёс речь:

– Значит, такая хреновина, пацаны. Сегодня у нас Рыжий построился последним. И вчера тоже. И на прошлой неделе подгадил нам на линейке. Я с ним базарил-базарил, наде-

ялся, думал, дошло до него, сделает парень выводы. Но ему до лампочки. В общем, хватит чикаться, хватит уговаривать – пора наказывать. Эй, Серёга! «Морковку» мне сюда! И поживее!

Серёга Ломакин быстро скрутил из вафельного полотенца для ног «морковку» и, преданно глядя снизу вверх, протянул Косте. Серёга делал «морковки» мастерски. Костя ему однажды показал, как вить – и у Серёги дело пошло моментально. Очень хорошо пошло. Косте даже приходило иногда на ум, что Ломакин уже сейчас тренируется на Помощника. Конечно, делал он это не в наглую, но Косте иногда казалось, что ведёт он себя как-то странно. Будто ему втихомолку что-то обещано. Хотя, если пораскинуть мозгами – вряд ли. Кто может такому сопляку что-то пообещать? В Группе имеются люди и постарше. Вот годика через два ещё может быть. А сейчас пускай знает своё место.

Костя взял «морковку», слез с тумбочки и вразвалку подошел к Рыжовской койке. Сам Рыжов сидел, вцепившись пальцами в подушку, бледный и растерянный. Да и остальные притихли, как всегда в такие минуты.

– Ну что, Рыжий, сам виноват, добром с тобой не получается. Сам допрыгался. А я ведь предупреждал – от слов перейду к делу. Ты думал, я шучу, да? А я с тобой не шучу, надоело, знаешь ли, шутить. Так что, братец ты мой, ложись. Не бойся, на первый раз много не будет. Хватит с тебя и десяти горячих.

Рыжов встал, виновато посмотрел на Костю и тихо, ни на что уже не надеясь, попросил:

– А может, не надо, а? Я исправлюсь, честно!

– Знаю я твоё «честно», – хмыкнул Костя. – Всю Группу подводишь, козёл. Ну что, сам ляжешь как положено, или помочь?

Он сжал кулаки, перенёс центр тяжести на левую ногу. Ну, сейчас он ему пропишет! Ничего себе – Рыжов, сопля вонючая, препираться вздумал! Это уже что-то новенькое. Если его сейчас не обломать – и другие оборзуют. И вообще, раньше надо было начинать. А жалел ведь, откладывал. Ты смотри как распустился – сам нашкодил, и ещё надеется на прощение! Нет уж, дудки!

Но работать кулаками Косте не пришлось. Рыжов, похлопав носом, сообразил, что ничего ему не обломится, и покорно уткнулся лицом в койку.

Костя автоматически считал удары, думая о другом. Раньше к этому был интерес, он тренировал силу и резкость, а потом, когда наловчился – стало вдруг скучно. Да и не испытывал он сейчас к Мишке Рыжову никакой злости. Даже немного жаль его было. «Морковка» ведь больно лупит, вон какие малиновые полосы на коже остаются!

Он вдруг усмехнулся собственной мысли – а себя он позволил бы вот так пороть? Раньше-то, конечно, случалось, когда Помощником был Андрюха Кошельков, огромный жирный парень, тупой как валенок, заменявший нехватку ума медвежьей мощью. Но это давно было. В самом деле, глупый вопрос. Нельзя же сравнивать себя с каким-то недотёпой Рыжовым. Его-то наказывать не за что. А вообще он бы, наверное, не дался. Махался бы что есть силы, пока не вырубят. Не то что Рыжов, да и все они. Эти всерьёз не брыкаются – кишка у них тонка. Ну и что? Он разве виноват? Кто им в своё время мешал добиться разрешения на тренировки? Это первое. А второе – с ними иначе нельзя, мигом разболтаются.

Механически отвесив десять ударов, Костя бросил измочаленную «морковку» Ломакину и полез под одеяло.

– И нечего хныкать, – заметил он оттуда глотавшему слёзы Рыжову. – Смотри, в другой раз легко не отделаешься. Ещё хоть однажды из-за тебя Группу нагреют – берегись! Будешь тогда через «коридор» ползать. Знаешь, что такое «коридор»?

Рыжов молча кивнул.

– Ну как, дошло до тебя?

– Дошло, – буркнул Рыжов.

– Вечно до тебя как до жирафа доходит. Будь ты поумнее, сейчас, может, без разборки бы обошлись. Учти на будущее. – Он, потянувшись, зевнул. – А теперь всем спать! И чтобы ни звука у меня!

Костя отвернулся к стене. Ещё не так давно дневной сон был для него пыткой. Два часа лежать под жарким одеялом, не шевелясь, притворяясь, будто спишь – да кто же такое вытерпит? Но приходилось выдерживать – надо! А теперь вот он моментально засыпает, и никаких снов ему не снится – будто падает в глухую темную яму, и так до резкого, злобного звонка на подъём.

2

Он проснулся в омерзительном настроении. И что всего противнее – никак не удавалось понять, из-за чего. К тому же слегка ныл висок и опять, как и за обедом, подташнивало. Но это – ерунда. Стоит лишь взять себя в руки – и всё придёт в норму. Хуже другое – какие-то скользкие, шевелящиеся в памяти обрывки сна. Именно обрывки – ни единого целого куска не осталось. Сон растворился в голове куском сахара в стакане с чаем, но пропитывал мысли точно липкая смола. Грызло Костю мутное беспокойство, и ему никак не удавалось переключиться на другое.

А стоило. Умяв полдник – подсохшую булочку со стаканом тепловатого жёлтого чая, он пошёл к заступившей на смену Наблюдательнице – брать пропуск в спортзал. Дежурила толстая заспанная баба – Валентина Сергеевна. Странное дело, перед тем, как снять с гвоздика его жетон, она зачем-то посмотрела в журнал. Раньше за ней таких строгостей не замечалось. Случайно ли это?

Впрочем, не стоит переживать. Он же не так давно стал Временным Помощником, а значит, Валентина могла его и не запомнить. Мало ли у неё Групп? Тем более, ей всё до фени, и все ребята для неё на одно лицо. Хотя, тогда сегодняшняя её бдительность получается тем более странной. Подозрительно странной.

В спортзале стояла невыносимая жара. Дышать нечем, а Стажёр Валера запретил открывать окно. Объяснять ничего не стал, а просто усмехнулся: «Ещё чего выдумали! Отставить!» И заставил Димку Руднева, который трогал шпингалет, отжаться лишних пятнадцать раз.

Ну что ж, он имеет право. На то он и Стажёр. Когда-нибудь и Костя, усмехнувшись в густые усы, прикажет соплякам: «Это что ещё за самодеятельность? Прекратить!» Скажет, а сам, скосив глаза, украдкой взглянет на эмблему на рукаве. Большая серебряная звезда со множеством искривленных лучей. Символ мира.

Но когда это ещё будет? Лет через пять, не раньше. Интересно, а кем был пять лет назад Валера? Наверное, таким же вот Помощником на Группе. Жаль, нельзя спросить. То есть, конечно, можно, да ведь Валера не ответит. Отшутится. А то и хмыкнет: «Вон, значит, куда метишь, воробышек...» И черкнёт что-то в коричневом журнале. Нет, лучше не рисковать. В конце концов, если он окажется достойным Стажёрства, ему в своё время всё объяснят. Главное – доказать, что достоин.

А интересно, что будет через пять лет с остальными? Не все ведь станут Стажёрами? Их-то куда? Впрочем, Костю это не колышет. Пускай они сами дёргаются. Хотя и так ясно, что Рыжову, или, например, Царькову с Васёнкиным ничего хорошего не светит. Действительно, какая от них польза? Только место занимают. Впрочем, Серпет однажды обмолвился, что Группы комплектуются не просто так, а со смыслом. Когда-нибудь и Костя узнает этот смысл.

...Прыгнув, он уцепился за гладкую перекладину и быстро, не давая себе отдыха, подтянулся одиннадцать раз. Что-то плоховато сегодня. Обычно его на пятнадцать хватало, а то и на двадцать. Ладно ещё Валера не видит. Иначе дал бы дрозда. Но Валера, окончив занятие, сказал: «Ну, вы тут ещё самостоятельно поразминайтесь» – и ушёл к себе в тренерскую. И возникло несколько минут свободы.

А вообще сегодня всё было нормально. Спарринг со Смирновым Костя в принципе выиграл, если не считать некоторых мелочей. Хоть и тыкал его Валера носом в ошибки, но у Смирнова их куда больше. Защиту его пробить – дело плёвое, да и атакует он неуверенно, точно боится чего-то. Хотя, если по правде, несколько его ударов Костя пропустил.

Что есть, то есть. Но всё равно хорошо. Тем более, отогнал лишние мысли. Они, лишние мысли, совершенно ни к чему. И с чего бы это всякая дрянь стала в голову лезть? Может, болезнь какая-нибудь? Нет, вряд ли. Чувствует он себя неплохо, а тошнота – она пройдёт.

В раздевалке было ещё жарче, чем в зале. Топили на полную катушку, энергии не жалели. До чего ни дотронешься – всё горячее точно песок в пустыне. Интересно, какому идиоту пришла в голову мысль поставить тут, в раздевалке, металлические скамьи? Временами Косте казалось, что он сидит на огромной, пышущей жаром сковороде. Пот лил градом, а утираться приходилось собственной майкой. Жаль, душ уже две недели как не работает. Валера сказал, что-то там засорилось.

Впрочем, ребята не спешили отсюда уходить. До ужина ещё есть время, никто не гонит, и можно посидеть, поболтать, расслабиться. А главное, тут все свои, Помощники на Группках. И Временные, и Постоянные. Народ стоящий. Жаль, встречаются они только здесь, на тренировках. Но так надо. Группы должны быть строго изолированы. Ничего не поделаешь, Карантинный Режим. И только им, Помощникам, сделали исключение, разрешили встречаться. И правильно. Нужно же им, будущим Стажёрам, хоть изредка побыть со своими, с равными. Не киснуть же им в Группках среди всякой бестолочи. Иногда неплохо и человеком себя почувствовать. Свободным человеком, забывшим про свою функцию в Группе, про Энергии и Предназначение. Просто сидеть на горячей скамье в душной раздевалке без окон, слушать анекдоты.

Анекдоты травил Димка Руднев, Помощник с четвёртой Группы. На сей раз речь шла о любви слона и обезьяны. И о том, что из этого получилось. Хоть и чушь несусветная, а всё равно смешно. Димка знает массу подобных анекдотов и никогда не повторяется. Правда, сейчас Косте показалось, что про слона и обезьяну он уже слышал, и вовсе не от Димки. Но мало ли что ему кажется. Если на всё обращать внимание, скоро свихнёшься.

– Ещё чего-нибудь загни, а? – попросил он, натягивая мокрую от пота майку на горячее тело.

– Ну, чего бы такого ещё... – Димка на минуту задумался, а потом выдал:

– Ну, топают один лох ночью из гостей, к нему трое в переулке подваливают: «Эй, мужик, дай закурить!» Ну, дядя ондатровую шапку снимает. «На, держи... Эх, когда же вы все накуритесь!»

Народ опять заржал, хоть и не так мощно, как после слона с обезьяной. А Косте понравилось. Он представил себе, какая рожа была у мужика, протянувшего шапку. А кстати, где всё это происходило? Костя задумался. И снова полезли в голову глупые мысли. Что значит *ондатровая шапка*? И *переулок*? Странные какие-то слова, вроде бы и знакомые, и в то же время никак не удаётся вспомнить, где же он их слышал. И ведь маячат ответы, до них почти рукой подать, но в самый последний момент они ускользают, а в голове остаётся противная серая муть. И ведь такое случается довольно часто. И тогда приходится гнать лишние мысли. В конце концов, это же анекдот. Главное смысл, и неважно, где оно происходит. Наверное, в каком-нибудь городе. Хотя что значит *в городе*? Опять непонятное слово. Что это ещё за какой-то *город*? Ведь что есть? Есть Корпус, вокруг него огромный заснеженный парк. Там они почти каждый день гуляют после занятий до обеда. Высокие чёрные деревья, узловатая, припорошенная снегом кора, изредка попадаются и невысокие лохматые ёлки. Аккуратные дорожки, по бокам их здоровенные сугробы. А дальше, где кончается парк – там стена.

Однажды, ужасно давно, когда они были ещё сопливой малышнёй, Костя спросил у Серпета – а что там, за стеной? Спросил и тут же испугался: вот сейчас возьмёт его Серпет своими большими белыми пальцами за ухо и поведёт в свой кабинет, наказывать. За неположенный вопрос. И все пацаны тоже притихли, ждали, что будет. Но ничего тогда не случилось. Серпет лишь улыбнулся как-то невесело и сказал:

– За стеной? Да ничего там интересного. Поле, а потом всё опять начинается. Впрочем, тебе этого, Костик, не понять. Лучше проверим, как ты сделал уроки на завтра.

Ну и глупо. Нечего Костю проверками пугать – он всегда хорошо учился. И Серпет, между прочим, это знал. Видно, ляпнул первое, что пришло в голову. Слишком уж ему Костин вопрос не понравился. До того не понравился, что он даже притворился, будто не сердится.

А насчёт учёбы – пускай лучше Васёнкин с Царьковым чешутся. Рыжов, тот ещё ладно, а вот эти два обормота! Надо бы, кстати, сегодня их проверить. Иначе вполне может случиться так, что вместо уроков будут целый вечер в фантики резаться. Уж сколько раз Костя и фантики у них отбирал, и лупил – а всё без толку. Нет у них цели поважнее фантиков. Козлы, всю Группу тянут назад! Очень может быть, из-за них на целый месяц отменят прогулки. На Костиной памяти такое случалось несколько раз, давно, задолго до того, как он стал Помощником. Так что же, из-за этих придурков целый месяц киснуть в душных стенах? И к тому же самое плохое впереди. Говорят, есть такой специальный журнал, куда записывают не отдельных ребят, а целые Группы. И что потом с ними бывает – никому неизвестно. Да уж наверное что-нибудь бывает. Зря ничего делать не станут.

Нет, пора с ними разбираться! И круто разбираться. Что самое поганое – они не кретины. Тогда всё было бы проще. Раз уж их слабые мозги ни на что не годятся, то нечего от них и требовать. Как выражается Серпет, из пустого кармана можно вынуть только фигу. Так что забрали бы их куда-нибудь Санитары – и всего делов!

Но Костя знал, что такой номер не пройдёт. Потому что на самом деле они учиться могут. Просто ленятся, гады. Наплевать им и на Группу, и на Костины старания. Фантики им важнее. Нет уж, этим придётся всыпать как следует, не то, что Рыжову. Каждому как минимум полсотни горячих, да к тому же ещё мокрой «морковкой». Надо бы им «кобуру» устроить. Или «метро». Правда, слишком уж круто получается. Это уже Андрюхой Кошельковым пахнет. Да и ребята они в принципе неплохие. Добрые. Царьков по ночам здорово травит всякие истории, а Васёнкин – тот вообще самый младший в Группе, самый слабый.

– Да, пацаны. А неплохо бы и нам курнуть, – мечтательно пробасил Леха Смирнов. – Мы что, не мужики разве? Маленькие мы, что ли?

Оторвавшись от своих мыслей, Костя поднял голову. А в самом деле! Тут все свои, ребята надёжные, в случае чего никто не настучит. Так что всё законно.

– У тебя, Лёха, что, крыша поехала? – осведомился между тем Серёга Александров, Помощник из девятой Группы. – Чего курнуть, в натуре? У тебя что, заначено?

– Ну, как знать, как знать, – рассеянно ответил Лёха, оглядывая ребят. – Для хороших людей, может, и найдётся.

– И что же у тебя заначено? – поинтересовался из угла огромный толстый парень, Сашка Орехов.

– Ну, хотя бы «Camel» нераспечатанный, – каким-то очень уж небрежным голосом произнёс Лёха.

А Костя насторожился. Мечтать было занятно, но, выходит, это не просто трёп? И заёрзали в душе невесть откуда взявшиеся чувства. Потянуло.

– И откуда же у тебя такое богатство? – хмыкнул Димка Руднев, малость обиженный, что о нём с его анекдотами все по-свински забыли.

– Меньше будешь знать – лучше будешь спать, – отбрил его Лёха. – Что там Варваре оторвали? Или оно у тебя из другого места?

– Может, попробуешь? – скучным тоном поинтересовался Руднев, поднимаясь во весь свой исполинский рост. Кулаки его сжались, а ноги как-то плавно, незаметно для глаз приняли боевую стойку.

Но дальше этого дело не пошло. Миха Гусев, самый мощный и влиятельный, решительно сказал:

– Ладно, мужики, кончай базарить. Не всё вам равно, откуда? Главное что? Главное – Лёха всех угощает. Я правильно понял?

– В самую точку, – ответил заметно повеселевший Лёха. Драка с Рудневым, по всему виду, не входила в его планы, но отступать первому тоже не хотелось. – Мне же одному дымить скучно, – добавил он, нагло прищурившись.

Косте не понравился его взгляд. Борзее что-то Лёха, надо бы его окоротить смальца.

– Правильно, скучно, – вмешался он в разговор. – Да и страшновато, наверно.

– Это тебе, Кастет, может, и страшно, – сейчас же обиделся Смирнов. – Пожалуйста, можешь отказаться. За уши никто не тянет.

– Это точно, – добавил Руднев, неожиданно принимая Лёхину сторону. – Нам же больше достанется. Меньше народу – больше кислороду.

– Вы чего, пацаны, – растерянно произнёс Костя. Он даже привстал со скамейки. Разговор явно принимал какой-то нехороший оборот. – Я же с вами. Я как все.

– Ну, а раз так, фильтруй базар и не дрыгайся, – наставительно изрёк Лёха. Он откровенно наслаждался победой.

– Это кто из нас дрыгается? Ты чего наезжаешь, а? – сходу возмутился Костя. – Сам воздух спортил, а теперь на меня баллоны катишь, да? – Жаркое облако злости охватило голову. Он готов был сейчас зубами грызть Лёху. Ни фига себе борзёж!

Но тут снова вмешался Гусев.

– Всё, мужики, замяли, – лениво пробасил он из дальнего угла. – Не выступай, Кастет. А ты, Лёха, двигай дальше.

– Ну, значит, так, – зачастил Смирнов. – Возьму я её завтра на прогулке, она у меня на улице заначена, я же не дурак, чтобы здесь тырить. А после тренировки в раздевалке и в курнём. Всё равно Валера сюда не суётся, чего ему тут делать?

– А запах? – поинтересовался Серёга Александров.

– Да не будет никакого запаха, развеется за ночь.

– Жаль, окна здесь нет, – заметил Костя. – С окном надёжнее бы.

– Ничего, – весело ответил Лёха. – Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Не бойсь, не накроемся.

– Ну что ж, тогда всё путём, – подвёл итог Миха. – Только смотрите, мужики, если кто сболтнёт...

– Да мы все такого козла замесим, – решительно выпалил Смирнов, отчего-то взглянув на Костю.

– Это уж точно, – поддакнул сидевший возле двери Сашка Орехов.

– Всем коллективом будем месить, – добавил Серёга.

– Ну всё, значит, замётано, – поднялся Гусев. – Ладно, мужики, хватит рассиживаться, на ужин опоздаем.

Ребята натянули форму и толпой потекли наружу. В коридоре было жарко почти как в раздевалке. Что за день такой сегодня? С чего бы так топить? Да ещё и форма кусачая. Как же надоело таскать на себе это серое сукно! То ли дело на даче... Стоп, неужели опять? Снова лезут откуда-то непонятные слова. Ох, не к добру.

Да ещё базар с Лёхой настроение подпортил. Народ чуть было не подумал, что он трус. А может, и подумали? Кто их знает? Мало ли что у ребят на уме? Хорошо хоть, он быстро поправился. Остаётся надеяться, что это пустые страхи и никто ничего такого не думает. Иначе дело дрянь. Хоть от тренировок отказывайся.

А с другой стороны, если их накروют – тогда прощай всё. Тут уж по первое число огребут. *Тайная Деятельность*, да ещё в сообществе. Тогда ни о каком Стажёрстве и речи быть

не может, да и с Помощников их всех погонят как щенков веником. И очень вероятно, вся эта история кончится Первым Этажом. Туда ведь отправляли и за куда меньшие провинности. Слишком многим приходится рисковать. Не отказаться ли? Но поздно теперь отказываться. До завтрашнего дня он ребят не увидит. И что тогда получится? Если их завтра заловят, придётся отвечать наравне со всеми.

Никто не станет разбираться – хотел он, не хотел, курил, не курил. Может, не ходить завтра на тренировку? Притвориться больным, к примеру. Но если ребята засыпятся, то подумают, что именно он их заложил. В самом деле, подозрительно. Сперва завёл гнилой базар, потом вообще закосил тренировку. Здесь и ёжику понятно, кто.

Хотя, есть тут и ещё одна сторона. Ну, заловят их всех, кроме него – точно уж снимут с Групп, а то и на Первый Этаж задвинут. Значит, он, Костя, их больше никогда не увидит. Как и они его. И они могут думать про него всё, что угодно – он этого никогда не узнает. Стукачом его никто не обзовёт (то есть он не услышит), в морду не плюнут (не придется утираться). Не говоря уже о месилровке. Не будет никакой месилровки. Просто он сам будет всё время помнить. И как тогда жить?

Значит, пускай всё пойдёт как пойдёт, риск – дело благородное. Как все, так и он. Тем более, ужасно всё-таки хочется подымить. Ведь когда-то же он курил. Иначе откуда помнит сладковато-горький дым в горле? Не только в голове, всей грудью, всеми легкими помнит. Помнит даже, как всё это было в первый раз.

Он накурился до одури, у него кружилась голова и слезились глаза, какая-то сила тянула его книзу. Но у него всё-таки хватило духу (да и глупости) заявиться в таком виде домой. Было шесть часов вечера, на улице уже темнело – осень, и оттуда, из грязно-синих сумерек доносился нудный лязг трамвая. Моросил противный дождик, будто намекая, что лето уже никогда не вернётся. А мама тогда размораживала холодильник. Он увидел пустое нутро холодильника сквозь стекло кухонной двери. И хлопнулся на пол.

Странно, что мама ничего тогда не поняла. Всполошилась, перенесла на диван, раздела и сунула под мышку скользкий холодный градусник. И потом долго дозванивалась до неотложки, но к счастью, так и не дозвонилась. А он, маленький дурачок, лежал под жарким одеялом и ёжился от страха – вдруг мама догадается его обнюхать?

Ну вот, начинается! Какая ещё мама, какой градусник? Чушь, ерунда какая-то. Ведь ничего этого не было, да и быть не могло. Он всю свою жизнь провёл здесь, в Корпусе, здесь и появился на свет, как и все остальные ребята, да и вообще все. И откуда только эти ложные воспоминания берутся? Да ещё такие чёткие, с подробностями. Нет, наверняка начинается что-то скверное. Ведь всё одно к одному. Тошнота, головная боль, настроение паршивое. Глюки эти – тем более, что не в первый раз. Да ещё и *Белый* к тому же. Пожалуй, это самый грозный признак. Признак чего? Болезни, конечно. И что теперь делать? Скажешь кому-нибудь из начальства – могут снять с Помощников. Ведь и в Уложении записано, что Помощник на Группе должен быть абсолютно здоров. Значит, оставить всё как есть? Но тогда болезнь будет развиваться. Интересно, до чего же она разовьётся? Ведь заметят же они неладное. И снимут с Помощников. Это в лучшем случае.

А если отправят на Первый Этаж? Что может быть страшнее Первого Этажа? Что там, на Первом, Костя не знал. Зато твёрдо знал главное – там место, страшнее и хуже которого нет нигде. И значит, лучше вообще ни о чём не думать. Может, всё и обойдётся. Может, это вовсе и не болезнь. Или болезнь, но сама пройдёт.

Нарочито медленно – не скакать же ему, как мелкому ребятёнку – он приблизился к столу дежурной Наблюдательницы. За столом по-прежнему, уткнувшись в вязание, пребывала вечно сонная Валентина Сергеевна. Она и головы не подняла. Лишь махнула рукой – сам мол, действуй. Повесив свой оловянный жетон с выбитым номером «РС-15» на поло-

женный гвоздик, он молча удалился. Пора было возвращаться в Группу, строить парней на ужин.

3

Ночная Наблюдательница щёлкнула выключателем – и палату затопила вязкая темнота. Что ж, прошёл ещё один день, ещё одно кольцо в длинной цепи без начала и конца. Не слишком плохой день, не слишком удачный. Что-то было сегодня такое... Настораживающее. И сколько Костя ни ломал голову – он не мог понять, что именно. Уж наверняка не затея с куревом. В конце концов – зачем паниковать? Пускай даже и поднимут шухер – это не так уж и страшно. Может быть, как раз то и хорошо, что их всех вместе заловят. Дело-то получится слишком громкое, не будут они его на полную катушку раскручивать. Иначе получается, что и Санитары, и Воспитатели, и Контролёры – все они прозевали? Значит, плохо работают. Наверняка ихнее начальство именно так и подумает. А значит, до начальства доводить не станут. Спустят дело на тормозах.

Ну, накажут, конечно, но не так, чтобы уж очень. Лишат прогулок. Отберут пропуск в спортзал. Да и то временно. А с Помощников снимать не будут. Иначе Воспитателям пришлось бы обо всём доложить руководству. И добро бы дело касалось одного кого-нибудь, а то ведь все Помощники попались. Тут уж или всех гнать, или никого. Нет, ясное дело, не доведут они до начальства. Ведь и Костя, если говорить честно, не обо всём Серпету докладывает. Так что можно спать спокойно.

Но спать спокойно не получалось. В голову опять лезли странные, лишние мысли. С ними надо было бороться, и Костя знал, как. Нужно закрыть глаза и представить себе вертящиеся круги. Постепенно их станет больше, они начнут сливаться – и придёт сон. Метод проверенный. Костя придумал его очень давно, только никому не говорил. Ведь это касается лишь его.

Однако на сей раз круги упорно не хотели вертеться в его мозгах. Они таяли, расплывались, а вместо них почему-то вспомнилось, как Серпет пришёл после ужина в Групповую. Был он какой-то странный, необычный какой-то. Остальные, наверное, ничего и не заметили, но Костя сразу почувствовал: что-то не так! То ли Серпет зол на кого-то, то ли напуган. Впрочем, это ерунда! Его ничем не напугаешь. Но отчего же такой растерянный взгляд, такие резкие движения? Что с ним случилось? Стоп! А почему он, собственно, решил, будто с Серпетом что-то случилось? Мало ли отчего у людей бывает плохое настроение?

Впрочем, тот быстро успокоился. Сел за стол, раскрыл журнал, поправил полу своего нестираного серого халата. Косте всегда казалось, что халат ему совершенно не идёт. А что идёт? Трудно сказать. Но уж во всяком случае не форменный халат Воспитателя. Скорее уж кольчуга, латы, длинный меч у пояса, прямо как в романах Вальтера Скотта. Правда, неизвестно, как вели себя рыцари в минуты рассеянности. Дёргали ли они себя за левый ус? А Серпет дёргает. Есть у него такая привычка.

Открыв журнал, Серпет, как и обычно, несколько минут молча что-то туда записывал, и только потом спросил Костю о делах в Группе.

– Ну, значит, так, Сергей Петрович, дела такие, – бойко начал Костя, вылезая из-за парты. – Никаких особых ЧП у нас сегодня не было. Нарушений тоже. Вот только Рыжов всё никак не научится строиться. Но мы с ним уже побеседовали. Ну, и как всегда, Васёнкин с Царьковым. Тянут всю Группу назад. Васёнкин сегодня на Энергиях опять пару схватил. Будем разбираться.

Костя вспомнил, как это было. Энергиями занимались в огромном, плохо освещённом зале. Отполированные гранитные стены уходили в темноту, незаметно перерастая в почти невидимый потолок. Окон не было, лишь боковые, стилизованные под факелы светильники заливали пространство мутным сиянием. У стен приткнулись узкие деревянные скамейки, а в дальнем углу, на возвышении, торчал могучий преподавательский стол.

Почему-то всякий раз в этом зале на него накатывало ощущение какой-то старой, растворённой в тёмном воздухе тревоги. И не только у него. Однажды он после тренировки поговорил с ребятами, и оказалось – у всех так.

...Они сидели возле стены на длинной, отполированной ученическими задами скамье. Преподаватель, пожилой и угрюмый Василий Андреевич, с другого конца зала внимательно смотрел на них. Потом откашлялся и не спеша начал давать материал.

Главная трудность на этих занятиях – не умом схватить, а почувствовать. Тем более, Василий Андреевич особенно на теорию не нажимал. Главное, – говорил он, – это вызвать Энергию, ощутить, как она в тебе рождается, слиться с нею, а потом и научиться ею управлять. Ну, а что, как и почему – им пока знать рано.

Косте нравились уроки Энергий. Ему несложно было расслабляться, выкидывать из головы всё обычное, превращать своё тело в пустоту – в точку без времени и пространства, без мысли и желания – быть ничем, и в то же время чувствовать, как неизвестно откуда вливается в него исполинская, нечеловеческая сила. Через несколько минут он поднимался со скамьи, полный этой силы. Слегка кружилась голова, в ушах звенело, а перед глазами плыли радужные пятна, но зато он способен был сделать всё – или почти всё. По приказу Василия Андреевича он мог создавать из ничего, из пустоты, любой предмет – хоть стол, хоть камень, хоть карандаш. Мог, сосредоточив на чем-либо взгляд, вызвать там взрыв или вытянуть из *нижних слоёв* гудящее лохматое пламя. Мог сотворить ветер или снег – и самому было странно глядеть на то, как медленно падают с потолка крупные синеватые снежинки. Все эти вещи получались у него без труда.

А вот с живыми объектами оказалось посложнее. Василий Андреевич вытаскивал из подсобки живого кролика, и нужно было убить его взглядом. Не раздавить, не сжечь – никаких грубых методов. Убить, не прикасаясь. Действовать только силой мысли. Просто сделать живое мёртвым.

Но это оказалось куда тяжелее дождя или пламени. Костя тратил почти всю свою силу на жалких, по всей видимости, давно не кормленных грязновато-серых кроликов, а после его шатало, в животе рождался ледяной ком, ширился – и к горлу подкатывала жгуче-кислая волна рвоты.

Василий Андреевич объяснил, в чём дело. Костя пока не умеет выделять из общего потока Энергий нужную волну. Но не стоит расстраиваться. В своё время всё придёт.

И Костя ждал, когда же оно придёт, это время. Ясно, что без отличной оценки по Энергиям на Стажёрство рассчитывать глупо. Серпет однажды дал ему это понять. Конечно, ещё оставалось много времени – почти три года, но Костя иногда нервничал. А вдруг и потом не получится? Ведь разделять Энергии куда сложнее, чем вызывать. Тут одних ощущений мало, нужно ещё что-то, о чём ни Василий Андреевич, ни Серпет ему до сих пор не говорили, но он знал – есть какой-то барьер. И если этот барьер не взять – плакало его Стажёрство.

Впрочем, сегодня он разделялся с кроликами без особого труда. Кажется, он всё-таки понял, как настроиться на нужную волну. Сперва надо очень ясно почувствовать объект – лопоухого испуганного кроля, увидеть внутренними глазами, как колотится его маленькое багровое сердце, как ему страшно и одиноко, представить его во всех подробностях, как бы слиться с ним в единое целое. А потом резко, точно нанося удар, отключиться от него, не просто оборвать связь – этого мало, а выбросить всякую мысль об объекте из головы, из времени и пространства. Перейти в мир, где кролика нет. И никогда не было. Вот и всё, только делать надо быстро, иначе Энергия уйдёт, рассеется в тёмном и холодном воздухе зала.

Василий Андреевич одобрительно кивал, наблюдая Костину расправу со зверьками, не поправляя, не делая замечаний, а когда последний объект, коротко дёрнувшись, застыл на тускло поблёскивающем надраенными паркетинами полу, негромко сказал:

– Ну что, Константин, большое продвижение. Кажется, сегодня ты уловил принцип. Однако не слишком задирай нос. Выделить в общем потоке какую-то одну волну – это не одно и то же, что уметь выделять любую. Видишь ли, решение задачи ещё не означает овладение методом. Тут, можно сказать, универсальный принцип. Так что упражняться и ещё раз упражняться.

Костя сел. Голова у него слегка кружилась. Всё же намучился он с этими кролями – но усталость ощутил только опустившись на холодную, слегка пружинящую скамейку. Трудно было двигаться, болели виски. Ну ничего – скоро пройдёт. Пока же он следил за остальными.

Конечно же, у них у всех получалось плохо. Времени они тратили уйму, кролики дошли неохотно, перед смертью верещали, дёргались в нелепых судорогах. В общем, недовольно оценил Костя, грязная работа. Видно, плохо усваивают. А почему? Лентяйство. Думают, козлы, только о том, когда урок кончится. О борще думают, о котлетах. Какая уж там концентрация.

Но Васёнкин, как и следовало ожидать, вновь отличился. Когда подошла его очередь вставать со скамьи и работать с кроликами, он почему-то заморгал глазами, побледнел. Выйдя на середину зала, он долго смотрел на пушистого серого зверька, потом уставился в пол, напрягся, но всё, что ему удалось – это вызвать лёгкий, неуверенный какой-то ветерок.

– В чём дело? – сухо спросил его Василий Андреевич. – Объяснись, пожалуйста.

Васёнкин молчал, не поднимая головы, потом тихо ответил: – Не могу я... Жалко.

– Кого жалко? – бесцветным голосом поинтересовался Василий Андреевич.

– Кролика, – еле слышно прошептал Васёнкин.

Василий Андреевич слегка опешил от такого ответа. Но тут же справился с собой и холодно заметил:

– Идиот! Себя бы лучше пожалел... Впрочем, это твои и только твои проблемы. Меня они не касаются. Садись – два!

Когда Васёнкин опустил на скамью, Костя слегка придвинулся к нему и прошипел:

– Ну, смотри у меня, Санёк, допрыгаешься. Всю Группу назад тянешь! Плохо это для тебя кончится.

Васёнкин промолчал.

Теперь, стоя перед Серпетом, Костя понял, что его тогда удивило. Странная фраза Василия Андреевича: *«Идиот! Себя бы лучше пожалел... Впрочем, меня они не касаются...»* Вроде бы всё к месту – действительно, Васёнкину за его штучки несладко придётся. Но вторая половина фразы – «меня твои проблемы не касаются...» Зачем он так сказал? Выходило, будто Василий Андреевич почувствовал вдруг какую-то непонятную вину и своими словами попробовал от этой вины отгородиться. Впрочем, ерунда! Что ещё за вина?! У кого?! И перед кем? Перед сопляком Васёнкиным? Не может такого быть, чушь собачья! Если кто и виноват, так уж именно злополучный Саня.

И всё же Костя чувствовал – фраза Василия Андреевича сказана не случайно. Что-то за нею кроется.

Серпет окинул Костю долгим изучающим взглядом:

– Интересные вещи говоришь, друг ты мой Константин, – сказал он негромко. – Интересные, а главное, неожиданные. Ведь эту фразу твою, «будем разбираться», я слышу уже два месяца подряд. Знаю, слово у тебя с делом не расходится. Ты постоянно разбираешься. А толку что?

Какой-то неприятный тон был у Серпета. То ли из-за паршивого настроения, то ли и в самом деле у него что-то случилось. Костя никак не мог понять, в чём дело, и оттого росло в нём мутное, глухое беспокойство. Но справившись с собой, он улыбнулся и ответил:

– Тут, Сергей Петрович, одно из двух. Или они, то есть Васёнкин с Царьковым, сачки, или идиоты. Если сачки – мы их перевоспитаем. А с идиотами что делать?

– М-да... Вопрос, конечно, интересный. Что делать с идиотами? Может, на колбасу пустить?

– Из них невкусная колбаса получится, Сергей Петрович, – усмехнулся Костя. Он уже почти успокоился. Если Серпет шутит, значит, всё в норме.

– Хм... С другой стороны, может, именно так мы и решим Продовольственную Проблему? – не то вслух, не то про себя сказал Серпет. – А вообще, не мешало бы их самих послушать. Может, скажут чего интересного?

– Ничего они вам интересного не скажут, Сергей Петрович, – ответил Костя. – Будут молчать как валенки, что я их не знаю?

– Ну, всё же попытаю счастья, – бросил Серпет и громко скомандовал:

– Васёнкин, Царьков! Встать!

Вихрастый лопухий Васёнкин медленно вылез из-за парты и встал по стойке смирно. Стойка получилась у него так себе.

– А где же второй? – поинтересовался Серпет.

– Второй сейчас унитаза протирает, – ответил Костя. – Это у него любимое занятие.

– А главное, полезное для общества, – весело, даже как-то слишком весело ухмыльнулся Серпет. – Ну да не беда. Поговорим и с одним Саней. Ну, что скажешь, голубь ты мой ощипанный? Долго так будет продолжаться?

– Как? – не поднимая головы, тихо спросил Васёнкин.

– А вот так. С двойки на тройку перебиваешься, уроки не делаешь, брюки мятые. Почему у тебя такой вид, точно сквозь джунгли продирался? Костя, ещё раз его в таких брюках увидишь – сними. Не умеет как человек – будет ходить без штанов. Понятно тебе, Саня?

Васёнкин молча кивнул. Все эти разговоры были ему знакомы.

Косте они тоже были знакомы, и он понимал, что Серпета меньше всего волнуют Санины брюки, да и грозитя он просто так, без настоящей злости. Серьёзные приказы он отдаёт другим голосом.

– Ну, а с учёбой что собираешься делать? – усмехнувшись в усы, продолжал Серпет. – Учителя ведь на тебя время тратят, здоровье. А здоровье у них, между прочим, не железное. Может, зря они надрываются, а?

– Наверное, и в самом деле зря, – вставил Костя. И напрасно это сделал, потому что Серпет тут же нахмурился и произнёс:

– Я сейчас, Константин, беседую не с тобой, а с Васёнкиным. Свои умные мысли выскажешь мне потом. Наедине. А сейчас будь уж так добр, закрой рот.

Пришлось закрыть рот, да так и стоять возле парты с закрытым ртом, на виду у всей Группы. Что поделаешь, сам виноват.

– Не слышу ответа, Саня, – произнёс Серпет уже погромче.

– Я исправлюсь, Сергей Петрович, я обещаю, – забормотал Васёнкин, пошмыгивая носом.

– Вот-вот, – подхватил Серпет, – исправься. Сделай нам всем такое одолжение. А то я уж и не знаю, что с тобой делать. Сколько раз и я с тобой беседовал, и Костя вон, а результатов с гулькин нос. Видно, пора от слов переходить к делу. Значит, так. Устанавливаем тебе испытательный срок – неделю. Если за неделю получишь хоть одну двойку – тогда всё. Тогда вопрос решается окончательно, переводим тебя на Первый Этаж. Надеюсь, ты меня понял? Да, – повернулся он к Косте, – то же самое передай и мойщику туалетов, то бишь его величеству Царькову. Вместе друзья-приятели в фантики резались, вместе и на Первый Этаж спланируют. Как два бумажных самолетика. Ну а пока, Костя, наблюдай за обоими столпами разума. Чуть только двойка – сразу пишешь рапорт на моё имя. Глядишь, вдруг что и получится... Ну, с этим всё, – и Серпет небрежным жестом велел Васёнкину сесть.

– А вообще, Костик, – сказал он чуть погодя, – мне что-то не слишком нравятся дела в Группе. Я уж честно тебе скажу. Конечно, работаешь ты неплохо, опыта набираешься. Но ситуация тяжёлая. Успеваемость в Группе довольно средняя, дисциплина стала получше, но тоже весьма далека от идеала. На одной маршировке далеко не уедешь.

Серпет задумался о чём-то, дёрнул себя за левый ус и, взглянув на часы, изрёк очень уж каким-то металлическим голосом:

– Ты ведь понимаешь, Константин, все вы тут выращиваетесь не зря. Но каждому ли ясно, в чём состоит ваш долг? Хотя вроде бы должны понимать, Обещание давали. Мы тут все делаем Одно Общее Дело. И нет ничего сложнее и ответственнее. Разумеется, вы ещё не готовы, вам ещё предстоит пройти через Откровение, получить Великое Знание. И хотя всё это случится не скоро, но кое-что вы уже сейчас могли бы для себя уяснить. Идет грандиозная борьба. Кое-кто из вас об этом забыл, но факты налицо. А готовиться к борьбе надо уже сейчас. Потом поздно будет. Через три года всех вас ждёт Распределение, впрочем, для некоторых оно может наступить и раньше. И куда бы вы ни попали, какую бы работу ни получили – дело у вас у всех одно.

Правда, некоторые этого не понимают. Некоторым кажется, что это всего лишь высокие слова, а жизнь – это койку заправлять как следует да котлетами обжираться. Нет, мои дорогие, так будет до поры до времени. А тебе, Костя, следовало бы почаще напоминать ребятам об их будущем. Так что вот так, – продолжил Серпет обычным своим тоном, – дисциплину с успеваемостью резко поднять. Каким образом – думай сам. На то тебе и голова дана. Что непонятно – приходи, объясню. Так... Теперь что касается Рыжова. Думаю, надо с ним индивидуально позаниматься. Именно тебе, – Серпет навёл на Костю свои большие зрачки. – То, что ты с ним сейчас делаешь, неэффективно. Пороть его, по-моему, дело безнадежное. Он ведь не потому строится плохо, что лентяй. Он бы и рад, но координация плохая. Лучше его потренировать, развить у него реакцию, скорость. Ну, сам понимаешь. И чтобы с этим не тянуть, – Серпет помедлил, то ли прислушиваясь к чему-то, то ли ловя ускользнувшую мысль, – чтобы не тянуть, начни с ним заниматься завтра же. От полдника до ужина. Да, я помню, тренировка у тебя, кажется. Ну ничего, один раз можно и пропустить, ради общего блага.

Костю от его слов прямо в жар бросило. Ни фи́га себе подарочек! Не придёшь завтра – подумают, что струсил. Или, того хуже, настучал.

– Сергей Петрович, – быстро заговорил он, пытаясь справиться с комком в горле, – завтра ну никак не получается. У нас ведь полным ходом подготовка к соревнованиям. На первенство Корпуса! Это же честь этажа! Давайте я с ним в другое время позанимаюсь. Хоть ночью, хоть в тихий час.

– Какой ты, однако, эмоциональный, – улыбнулся Серпет. – А я ведь хотел как лучше. – И улыбка исчезла, точно бритвой её отрезало. – Ну ладно. Делай как знаешь. Разумеется, ни ночью, ни вместо тихого часа. Об этом не может быть и речи. Нарушать режим я, как понимаешь, не позволю. А вообще, – он снова помолчал, потом сумрачно произнёс, – а вообще будь осмотрительнее. Ну ладно, это разговор в пользу бедных. В общем, подведём итоги. Насчёт Васёнкина с Царьковым – рапорты. С Рыжовым заниматься – хотя бы полчаса в день, но регулярно. Да, совсем забыл. Завтра после ужина зайди ко мне в кабинет. На беседу. Ну, вроде бы и всё. Потопал я, братцы. Работы чёртова уйма, голова кругом идёт и мозги пузырятся.

Серпет встал, потянулся точно огромный кот, поправил широкой ладонью причёску и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

4

Сейчас, в темноте, разговор этот всплыл в памяти так ясно, словно кончился минуту назад. И саднило в душе, и не удавалось уснуть. А завтра так тоскливо будет подыматься! Но хочешь или не хочешь, а по звонку придётся вскочить первым – он же как-никак Помощник на Группе. И он будет подгонять пинками тех, кто не прочь подремать ещё минутку. А ведь и сам не прочь, выходит, самому себе пинки отвешивать? Смешная получается картинка... Черно-синие окна, острый, беспощадный электрический свет...

Но всё это ещё нескоро. Не так уж давно прозвенел отбой. Есть ещё время уснуть. Только бы не лезли в голову всякие мысли... А всё-таки здорово, что Серпет так легко согласился. Правда, он сказал: «будь осмотрительнее». Нехорошо как-то сказал, со странной ухмылочкой. Впрочем, ухмылочки эти скорее всего объясняются плохим настроением.

И всё же Костя чувствовал – сегодняшний Серпет какой-то не такой. Во-первых, ясно было, что ни Рыжов, ни Царьков с Васёнкиным его совершенно не интересовали. Чем-то другим забита у него голова. Но Серпет хитёр, он никогда ничего прямо не скажет. Всё только намёками. А попробуй разберись в его намёках. Тем более, неизвестно ещё, для кого эти намёки? Костя не мог избавиться от мысли, что Серпет играл в Групповой какое-то представление, изображал что-то. А на кой хрен? Можно подумать, кроме Кости и ребят его слушал кто-то ещё. Но ведь никого больше в Групповой не было. Значит, это всего лишь Костины домыслы. Но отчего же всё так тревожно? Да ещё беседа эта завтрашняя. Зачем? Раньше-то он никогда заранее не назначал. И вообще, в его кабинет Костя попадал нечасто, всего, наверное, раза два или три. Сейчас уже и не вспомнить, когда и зачем. Ладно, завтра всё прояснится, а сейчас – спать!

И сами, непрошенные, появились перед глазами бледно-синие круги, завертелись, задрожали в душном воздухе. Костя вдруг понял, что слеплены они из рыхлого скрипучего снега, хотя, если приглядеться, чем-то смахивают на колечки сигаретного дыма. Получается, дым и снег – одно и то же? И почему он не знал этого раньше?

Между тем кольца начали вытягиваться, сливаться и таять – и вдруг совсем исчезли. Осталось бесконечное снежное поле, и снег оказался не синим, а белым, даже с едва заметным желтоватым отливом, словно лимонный зефир. Снег неглубокий, рассыпчатый, и ногам вовсе не холодно, хотя Костя стоит босиком. Где-то вдали, по левую руку, чернеет изломанный край глухого древнего леса. А солнце то выныривает из-за туч, то снова прячется в серых клочьях небесной ваты.

Место было знакомое. Костя уже не раз попадал сюда. Значит, скоро появится тот, *Белый*. Теперь он уже не мог вспомнить, откуда взялось такое прозвище. Но иначе его никак и не назовёшь. *Белый* – он и есть *Белый*, непонятный Костин мучитель. И негде от него спрятаться, и некуда бежать, везде поле. Придётся ждать.

Белый, как всегда, появился неожиданно. И непонятно откуда. Только что его не было – и вот он медленно скользит над снегом, не оставляя следов, смотрит на Костю своими огромными серыми глазами и улыбается чему-то.

– Ну, привет, Константин, – пробасил он своим низким голосом. И снова у Кости мелькнула мысль, что голос этот он уже слышал, давным-давно, ещё до приходов *Белого*.

– Здравсте, – хмуро ответил Костя, отводя взгляд.

– Что это ты сегодня такой мрачный? – поинтересовался *Белый*, пристально глядя Косте в глаза.

– Да так. Дела всякие.

– Ну как же, помню, ты у нас человек деловой. Весь в заботах. И в прошлый раз дела были, и раньше ещё. Рассказал бы хоть, что за дела такие.

– Да ничего, всё у меня в порядке, – хмуро отозвался Костя. Он знал, что такими фразами не отделаться. Разговор предстоял долгий и противный.

– Ладно, можешь не объяснять. Я и так знаю, – усмехнулся *Белый*, и скрестив ноги, уселся прямо на снег. – Опять сегодня геройствовал, господин Временный Помощник?

– Это в каком смысле? – напряженно разглядывая снег, спросил Костя.

– Не жалко Рыжова?

– Это не ваше дело, – решительно произнёс Костя. – Как же вы надоели! Ну что вы вечно не в свои дела суётесь?

– Ну, это как знать, – миролюбиво заметил *Белый*. – Может, и для меня твои дела не такие уж чужие. Впрочем, ты помнишь – я ничего пока не могу тебе объяснить. Не время ещё. Ты уж постарайся сам разобраться. Хоть в чём-нибудь.

– Да не буду я ни в чём разбираться! С какой это такой радости? – Костя сплюнул на снег и проследил взглядом траекторию плевка. – Что вы ко мне всё время пристаёте? Я что, просил? Звал вас, да?

– Эх, Костик-Костик, – не то засмеялся, не то вздохнул *Белый*, – горячая ты голова. Ну чего злишься? Ты бы ещё драться полез, – и он уставился на дырочку в снегу, куда попал Костин плевков.

А Костя опустил глаза. Да, и такие глупости случались. Стыдно даже вспоминать. Попробовал Боевые Методы. Тройной удар в прыжке. Лучше уж самому себе по морде надавать. Излупил его *Белый* в тот раз как щенка – всё было бы нормально. То есть понятно. Но произошло нечто иное – странное и, пожалуй, страшноватое. *Белый* и не думал защищаться. Он, кажется, и не заметил Костиных прыжков. Но это жуткое чувство, когда бьёшь точно в цель, правильно бьёшь, как учили, но кулак твой встречает не тело, а вязкую пустоту, рука твоя пронзает холодный туман... Лучше и не вспоминать.

– Ну правда, – сказал Костя уже потише, – отстаньте вы от меня. Мои дела – это мои дела. И я всё делаю как надо. Ну, отлупил я Рыжова – так он, козёл, без этого никогда строиться бы не научился.

– А он научился? – с интересом спросил *Белый*.

– Научится ещё, – вздохнул Костя. – А Васёнкин с Царьковым, они просто лодыри, тянут всю Группу назад. Я ведь всё-таки Помощник, должен принимать меры.

Белый посмотрел на него с ещё большим интересом.

– А зачем? Неужели это настолько важно?

– Что важно? – не понял Костя.

– Ну, например, что Мишка Рыжов не умеет ходить строевым шагом. Или что Васёнкин кролика пожалел? Что, ваши маршировки и баловство с Энергиями такое уж необходимое дело? Да ерунда это всё, да к тому же ещё и опасная! А ты из-за неё с людьми как со скотом обходишься. Хотя извини, со скотом ты бы обращался лучше. Скотина, она и лягнуть может, и куснуть. А они ведь точно такие же, как и ты. И им и больно, и обидно, и страшно. Ничуть не меньше, чем тебе. Давно ли ты был на их месте? И скажи честно – согласился бы поменяться с ними местами?

– Да что вы мне всё морали читаете?! – снова взорвался Костя. Он знал, что мог бы сдержаться, но не стал этого делать принципиально. – Я такой-сякой-разэтакий! Как со скотом? Да я, если хотите знать, с ними по-человечески обращаюсь. По-хорошему. Ну, отлупил Рыжова, а меня, что, не лупили? Да вы знаете, как меня Кошельков тогда гонял? А я с ними, если хотите знать, по-доброму. Вон в других Группках Помощники и прислуживать себе заставляют, и лупят всех без разбору, просто так, в своё удовольствие! А я всегда по справедливости.

– Ну, спасибо тебе за это, – усмехнулся *Белый*, и его огромные глаза вдруг сделались непривычно жёсткими. – Молодец, стараешься!

– А я что, хуже других? – сопротивлялся Костя. Но говорил он уже через силу. Как-то незаметно он устал от этого спора.

– Да, – твердо сказал *Белый* и взглянул на Костю. Тот было попробовал отвести взгляд – и не смог. Серые глаза притягивали его точно магниты.

– Да, хуже, – повторил *Белый*, поднимаясь со снега. Только сейчас Костя сообразил, какой же тот здоровенный. По сравнению с ним Костя выглядел взъерошенным котёнком возле огромного снежного барса.

– Я знаю, – продолжал *Белый*, – ты не сажаешь ребят на горячую батарею, как это любит твой приятель Руднев. Не плющишь почки, как Смирнов, твой будущий партнёр по куреву. Не заставляешь, как Александров, ребят перед тобой на коленях ползать. Всё так. Но есть большая разница. Они, приятели твои, слишком уж глубоко увязли в этом слое. Почти безнадежно. Может, кто-то их и вытянет – не знаю. Они уже и не помнят ничего, и не понимают, что творят. От людей у них осталась только оболочка, а начинка уже совсем другая. Но у тебя не тот случай. Ты ещё живой. И на самом деле ты знаешь, что все подвиги твои – свинство. Прекрасно это знаешь. И тогда тебе становится страшно, ты пытаешься отогнать «лишние мысли», а зря. Они не лишние. Да и не получится уже. Много изменилось. Теперь ты можешь вырваться.

– Да не собираюсь я никуда вырываться, – тоскливо ответил Костя. Чёрт бы побрал *Белого* с его моральями. От его моралей даже зубы начинают ныть, и что главное, не остановишь.

– Конечно, вырваться – деле трудное, – как ни в чём ни бывало, продолжал *Белый*. – И всего сложнее начать. А ты уже начал.

– Чего это я начал? – желчно поинтересовался Костя.

– Ну как чего? Вспоминать, сомневаться, думать. И зря ты ищешь у себя болезнь. Как раз наоборот – ты начал выздоравливать.

Тут уже Костя разозлился по-настоящему. Не хватало только разговоров про болезнь!

– А идите знаете куда с вашим выздоровлением! – крикнул он. – Я из-за вас с ума схожу, меня из-за вас в Стажёры не примут! – по щекам его покатались жгучие злые слёзы. – Это вы во всём виноваты! Вы!

– Ну что ж, – спокойно откликнулся *Белый*, – если тебе так удобнее, считай, что я. В какой-то степени это даже и верно. Только, пожалуйста, без истерик. Ты ведь, насколько я понимаю, парень, а не визгливая барышня. Ну-ка прекрати реветь!

Он немного помолчал, затем продолжил:

– Что же касается твоего выздоровления... Сам смотри – кое-что ведь вспомнил. Ну, хотя бы как накурился в семилетнем возрасте, а мама тебе градусник ставила и в неотложку звонила. Ты ведь и не понял тогда, как она перепугалась! Думала, что всё, конец, помирает родимое дитя. Ей и в голову не пришло, что дитя уже сигаретами балуется. И насморк у неё тогда был, запаха ведь и не почувля...

– Это всё бред! – заорал Костя и отпрыгнул от *Белого*. Ему стало и в самом деле страшно, даже мурашки по спине заплясали. – Галлюцинации всё это! Не было никакой мамы! Я всю жизнь тут, в Корпусе, прожил!

– Ну, во-первых, слово *тут* сейчас неуместно. Сейчас ты не в Корпусе. А совсем в другом месте. А во вторых, разреши полюбопытствовать, ты и родился в Корпусе? Уж не из пробирки ли? – ехидно поинтересовался *Белый*.

– Может, и из пробирки! Вам какое дело?! Уходите! Зачем вы меня мучаете, – закричал Костя, безуспешно стараясь унять слёзы. – Да кто вы такой вообще?

Белый вздохнул.

– А вот этого я тебе пока объяснить не могу. Ты ведь знаешь. Да и не было бы в том толку. Потом, конечно, ты многое поймёшь. А пока думай.

– Мне не о чем думать! Вы всё врѐте, всё сочиняете, чтобы меня с ума свести, – изо всех сил заорал Костя, делая шаг назад.

– Эти крики я уже слышал, – *Белый* поморщился, – часто слышал, в самых разных вариациях. Ни к чему переливать из пустого в порожнее. Да, я понимаю, тебе сейчас плохо. Но так и должно быть. Иначе ничего не получится.

– Что не получится? Что?! – и тут воздух от его крика раскололся и упал на снег острыми стеклянными обломками. Черная полоса леса свернулась в кольцо, и Костя вдруг понял, что это не кольцо, а чья-то исполинская, обтянутая кожаной перчаткой рука. Рука дотянулась до низкого неба и с треском разодрала его, словно ветхую простыню. Синие потоки хлынули на землю, но сливаться друг с другом и не думали, текли по отдельности, искривлялись, пульсировали, а потом вдруг разом превратились в бледные круги перед глазами, вспыхнули напоследок голубым пламенем и растаяли во тьме.

В ушах ещё звенело, но Костя знал, что всё кончилось. И облегчённо вздохнув, открыл глаза.

В окно мутным оловянным глазом уставилась луна. На надраенном линолеуме от неё протянулась бледная дорожка. Тишину нарушало лишь ребячье сопение.

Долго ли ещё до подъёма? Надо же отоспаться после такого кошмара. Похоже, болезнь разрастается. Сегодня *Белый* говорил с ним куда дольше, чем в прошлый раз. И в памяти почти всё осталось. Что же это всё-таки было? Сон? Или галлюцинация? Одно другого не лучше. Самое страшное – это *Белый*. Кто он такой? Впрочем, вопрос довольно глупый. Ясно ведь – плод больного воображения. Но почему воображение такое странное? Мама какая-то, градусник...

Несколько дней она продержала его в постели, боялась выпускать на улицу, а ребята ведь заходили, звали в хоккей погонять, клюшка у него была уже новая, синяя с белой надписью «SPORT», тётя Аня подарила на день рождения... Что, опять?! Опять продолжается бред? Да что же это такое? Какая ещё клюшка, какая там тётя Аня? Чёрт знает что. Нет, пока не поздно, надо Серпету во всём признаваться. Может, и не такая уж страшная у него болезнь. Вылечат и возьмут в Стажѐры. Главное – не запустить.

5

Неприятности, конечно же, начались ещё утром. С Костей так всегда было – если недопишь, вскочишь по звонку на подъём, встрёпанный и злой – тут уж весь день добра не жди. Даже если ничего и не случится, всё равно не избавишься от мелких пакостей. То одно прилепится, то другое. Они, пакости, если уж заведутся, так не скоро отвяжутся. На опыте проверено.

Первую заподлянку судьба преподнесла Косте на завтрак. В столовой красовались тарелки с омерзительно жёлтой кашей из пшёнки. Давно ею не кормили, Костя уже и расслабился было – и на тебе подарочек! Он ненавидел эту кашу всей ненавистью, на какую был способен. Ещё бы, липкая, вонючая, с незаметными комками, от которых тянет блевать. Но, разумеется, ты глотаешь эту гадость, давясь от отвращения, и подчищаешь тарелку серым кусочком хлеба. Попробуй не доесть – тут же клязу в Журнал накачают. А то и в Изолятор потащат, проверять здоровье. И обнаружат ту самую болезнь. Нет, лучше не рисковать. И мало того – приходилось за пацанами смотреть, все ли едят как следует. Помощник должен обеспечить «стоцентную съедаемость». Он помнил, как когда-то давно Андрюха Кошельков, тогдашний Помощник, брал его своей потной ладонью за волосы и тыкал лицом в недоеденную тарелку. После чего уводил в палату воспитывать. Даже сейчас, хотя с тех пор протянулась вечность, от этих воспоминаний тоскливо ноет в животе. Но делать нечего, сам теперь Помощник, сам следи за порядком...

Дальше были утренние занятия. Группа, аккуратно построенная в затылок, отправилась на них минут через десять после того, как на мойку была отнесена последняя тарелка. Это оказалась Рыжовская тарелка, и Костя тоскливо подумал, что надо же ещё заниматься с придурком, координацию развивать. Что поделаешь – сам Серпет велел. А когда заниматься, если до обеда уроки, в тихий час – нельзя, а потом – тренировка с куревом? Ох, не сорвалось бы дело! А ну как их заловит Валера, неожиданно войдя в пропахшую дымом раздевалку? Впрочем, ладно, смелость города берёт. И, однако же, Костя чувствовал, что добром Лёхина затея не кончится.

Впрочем, в школе новых пакостей не приключилось. Всё было как всегда – высокие потолки классов, стены, затянутые коричневым бархатом, исчищенные шариком парты, «шлемы познания» – железные колпаки с тянущимися куда-то в пол проводами. Такой колпак полагалось напялить на голову, нажать вмонтированную в парту чёрную кнопку – и всё, отрубаетесь. А потом приходишь в себя за пять минут до звонка, осоловело смотришь на доску. Там аккуратным почерком выведены оценки по всей Группе. Насколько, значит, усвоили очередную тему. И вновь появляется непрошенная мысль – чему же их всё-таки учат? Но знать не полагается, потому что – рано. Вот после Распределения, когда они пройдут сквозь Откровение – тогда другое дело. Тогда вся заложенная информация высветится в голове, тогда...

А сейчас надо лишь списать в свой специальный блокнотик оценки. Чтобы знать, каковы дела в Группе. Чтобы написать Серпету очередной отчётик. Смехота – неужели без Костиных отчётиков он об отметках не узнает? Но порядок есть порядок.

В общем, обычные уроки – сплошная скука. То ли дело на Энергиях! Там никто тебя не учит во сне, там всё самостоятельно...

На Энергиях, однако же, не случилось ничего интересного. Если не считать очередной Васёнкинской двойки. Совсем Саня распустился! Это же надо – кролика погладил! Вчера он хоть пробовал что-то сделать, а сегодня оборзел до крайности. Так прямо и заявил Василию Андреевичу: «Что хотите делайте, а мне его жалко!» И, взяв кролика на руки, погладил.

Василий Андреевич уж на что старый да опытный, а и у него прямо челюсть отвисла от таких наглых Васёнкинских фокусов. А Костя почему-то подумал, что кролик, наверное, тёплый, и что у него испуганно колотится сердце. Впрочем, нечего глупостями голову забивать. Главное, это новая Санина двойка. О которой надо писать Серпету рапорт.

– Ты хоть понимаешь, что доигрался? – хмуро сказал он после урока Васёнкину. Тот молча кивнул.

– И что думаешь делать? – почему-то поинтересовался Костя. Хотя чего там интересоваться, и так всё с Саней теперь ясно.

– Может, попросим Сергея Петровича ещё подождать? – не дождавшись ответа, спросил он с какой-то непонятной досадой. – За двойку, само собой, накажу, как обычно, а на Первый-то тебе зачем? Ты пойми, вся Группа из-за тебя страдает. А на Первый попадешь – нас в худшую категорию переведут. Может, хоть сейчас исправишься?

– Вряд ли, – тихо ответил Васёнкин, уставившись в пол. – Не могу я их убивать. Они ведь живые... Как мы с тобой.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Костя. – Тогда я пишу рапорт Сергею Петровичу.

– Пиши, – равнодушно отозвался Васёнкин. – Ты-то тут при чём? Он же тебе сам велел.

Костя резко повернулся и пошёл прочь по коридору. Что-то тут было не так, странное чего-то сегодня творилось с Васёнкиным, не похож он казался на самого себя, а может быть, наоборот, слишком похож – но Костя только сейчас это заметил. Может, не только в Сане дело?

После полдника всё получилось как-то глупо. Взяв свой жетон у Наблюдательницы – сегодня за дежурным столом восседала Марва со своим вечным вязанием – он спустился по крутой лестнице ярусом ниже, в раздевалку. Там уже многие сидели, хотя до начала занятия оставалось ещё четверть часа, если не больше.

– Физкульт-привет, мужики, – поздоровался Костя с народом.

– Кастету наше вам с кисточкой, – протянул Серёга Александров, а остальные промолчали. Косте это почему-то не понравилось.

– Ну как, всё путём, насчёт курева? – на всякий случай поинтересовался он. – Будем?

– Будем, будем, – хмуро отозвался Лёха Смирнов, завязывая шнурки на кедах. – Больно шустрый выискался. Ещё тренировка не началась, а уже лезет.

– Куда это я лезу? Мне что, больше всех надо?

Смирнов промолчал. И это тоже насторожило Костю. Обычно Лёха не отличался особой выдержкой.

...Сама тренировка запомнилось плохо. Валера был мрачен, чем-то, похоже, достала его жизнь, и потому он то и дело срывался на крик, отвешивал подзатыльники, заставлял бегать кругами по залу. Нерадивых подгонял пинками. Косте хоть и не попало, но и без того подпорченное настроение окончательно скисло.

Занятие тянулось долго, хотя Костя понимал, что это ему кажется. Ведь всё происходит по расписанию. В нужное время раздастся резкий, бьющий по ушам звонок, и Валера перестанет зверствовать.

Звонок, наконец, раздался, и ребята, потные и злые, потащились в раздевалку.

– Ну что, вся толпа в комплекте? – поинтересовался Миха Гусев.

Народ подтвердил, что вся.

– Руднев, действуй тогда уж, – лениво скомандовал Миха.

Димка Руднев вытащил из угла швабру и вставил её в ручку двери. Теперь снаружи в раздевалку никто войти не мог.

– Доставай свою заначку, – велел Миха Смирнову, и тот суетливо бросился к своему шкафчику, долго возился там, после чего торжествующе помахал нераспечатанной пачкой сигарет.

– А спички? – поинтересовался Сашка Орехов.

– Всё в ажуре, не боись, – усмехнулся Смирнов, доставая откуда-то новенький коробок.

– Ну вот, теперь порядок, – подытожил Гусев и забрал у Смирнова пачку. – Значит, так, кореша. В очередь стройтесь, сам буду выдавать. Поштучно, – распорядился он, обмахиваясь майкой. Жара в раздевалке стояла не слабее вчерашней.

До чего же это было здорово – затянуться горьковато-сладким, забытым дымком, лениво стряхнуть пепел в ладонь (не на пол же! Вдруг заметят. А руку вымоешь – и порядок).

– Да, мужики, здорово у нас получилось, – лениво выдавил из себя Смирнов, крутя сигарету в пальцах.

– Куда уж мелким соплякам из Групп, – поддакнул Александров, сидевший возле двери. Ему полагалось быть на шухере, и если кто ломанётся, сразу свистнуть.

– Не отвлекайся, Серый, – посоветовал из своего угла Гусев. – Твоё дело маленькое, ты у нас на стрёме.

– И вообще, – неожиданно для себя выпалил вдруг Костя, – давно ли сам мелким был? Ты что, здорово их лучше, да?

– А ты чего? Ты чего баллоны катишь? – окрысился Серёга.

– А того! Сам в соплях по колено, а тоже туда же. Месяц как у себя в Группе Помощником, а какой, значит, крутой! Потому и пацанов своих на коленях стоять заставляешь, да?

– Ты, Кастет, фильтруй базар, – миролюбиво возразил Димка Руднев. – Будто сам не Помощник. Мы тут все заодно, а эти, в Группках... Они же так, мусор. Как наш воспитатель говорил, Григорий – сырьё вонючее.

– А ты вообще заткнись, Димон, – чуть не дав петуха, крикнул Костя. – Своих на горячую батарею сажаешь, потому и за этого козла заступаешься?

Его охватила какая-то унылая, тоскливая ярость. Он сам не понимал, что на него нашло, с какой стати он накинулся на Александрова, и вообще, откуда взялись его слова. Но, однако же, чувствовал, что остановиться не может, и пальцы сами собой сжимались в кулаки. Сейчас, наверное, до махаловки дойдёт. Ну ничего, так просто он им не дастся. Они этот день надолго запомнят.

Но драки почему-то не возникло.

– В общем, ты, Кастет, лажу не гони, – всё так же лениво протянул Гусев. – Вообще, странный ты какой-то сегодня. Честно скажу, не нравишься ты мне что-то. Смотри...

– А может, он нас заложить решил? – вставил Смирнов.

– Кто, я? – от гнева у Кости перехватило дыхание. – Да ты сам кого хочешь заложить, глиста собачья!

– Да я тебя сейчас! – рванулся Смирнов. – Да я из тебя котлету...

Его удержали за локти.

– Не дёргайся, Лёха, видишь – мальчик не в себе, – усмехнулся Гусев. – Курение кое-кому не пошло на пользу. Видать, не дорос пока что. Утихните, пацаны, на дураков не обижаются. А ты, Кастет, не прав, – добавил он немного погодя. – Головой, что ли, повредился? Чего это тебе выступать вздумалось? Своих в Группе не лупишь разве?

– Ну, луплю, – нехотя буркнул Костя. – Но только для дела, не из удовольствия, как некоторые...

Возбуждение схлынуло, он стоял посреди раздевалки усталый, потный и растерянный, не зная, что же делать дальше. Легко было скандалить, а вот как с ними теперь? Дураком ведь оказался, круглым дураком.

– Ну и завянь, – подытожил Гусев. – Ты для дела, и другие для дела. Все мы тут одинаковые, и нефига выступать. Усвоил?

– Ладно, всё, проехали. Молчу, – глухо пробормотал Костя. Что ему ещё оставалось, кроме как признать поражение?

– Молчи-молчи, – ухмыльнулся Смирнов. – С тобой разговор ещё будет. Ещё умоешься соплями.

Остальные промолчали. Вроде бы им и дела до того не было.

И вновь Костя подумал, что всё это очень даже неспроста...

Часть вторая Прощание

1

Он стоял на мокрой, почти безлюдной платформе. Сумерки, незаметно сгустившись, перетекали в ночь – мокрую, тяжёлую, пахнущую гнилью и ржавчиной. В мертвенно-синем луче фонаря мутно поблёскивали подмерзающие лужицы, с бурого неба сыпало чем-то мелким. То ли дождь, то ли снег – Сергей не мог разобраться.

Стрелка станционных часов, казалось, прилипла к циферблату. И лишь изредка, со скрипом перепрыгивала на следующее деление. Без четверти восемь – стало быть, до электрички ещё минут пять. Сергей знал, что эти минуты будут тянуться бесконечно. На летящую с неба пакость он внимания уже не обращал. Теперь уже всё равно. И если необходимо ждать – лучше уж здесь, в слякотной промозглой темноте. Дома оставаться невозможно – любая вещь притягивает взгляд, и зябко становится при мысли, что всё это видишь в последний раз. Конечно, никакого разговора насчёт сроков не было, но Сергей сразу почувствовал – это навсегда. И теперь сосало под ложечкой, сердце колотилось точно у догоняющего автобус пенсионера.

Хотя держать себя в руках оказалось не так уж сложно. Со стороны, наверное, никто ничего и не заметил. Но это как раз неудивительно: никому до него нет дела. Даже когда он исчезнет, всполошатся они не сразу. Очень даже не сразу. Впрочем, это их трудности. Сергей криво усмехнулся, представив раздражённую физиономию Шефа, которого атакует бухгалтерия. Машина крутится, учёт налажен, деньги пора платить – а человека-то и нет. Наверняка уголовный розыск подключат. Потому как положено. Но розыск как раз не станет суетиться. У них там таких дел об исчезновениях выше головы, по нынешним-то временам. Поручат следствие какому-нибудь замученному язвой желудка и финансовой катастрофой лейтенанту, тот аккуратно оформит все нужные бумаги, и где-нибудь через два-три месяца дело сдадут в архив.

В институте его вычеркнут из списков и благополучно забудут. Квартиру опечатают и сдадут в муниципальный жилой фонд. Вещи опишут. За неимением прямых наследников. Да и с непрямыми негусто. И не пройдёт года, как в бывшую его квартирку вселится какая-нибудь шумная многодетная семья и немедленно насчет скандалить с верхними соседями на предмет заливания. Или насчет шума после одиннадцати. Или вообще безо всякого повода – просто так, чтобы излить накопившееся в транспорте серенькое будничное зло. Лариска, может, и позвонит когда-нибудь, ей сухо ответят: «Вы ошиблись, девушка, у нас таких нет!» Впрочем, с какой это стати она будет звонить? Все точки над *i* давно уже расставлены.

Да, ему и в самом деле нечего тут оставлять. Ситуация абсолютной свободы, когда Рубикон перейдён, мосты сожжены и волком выть хочется. Ну ладно, по крайней мере, там он займётся настоящим делом. Уж во всяком случае там не будет всей этой суетни, этих козых потягушек, как сказал бы отец.

Все правильно. Не явись ему Старик – он, Сергей Латунин, так бы и торчал здесь, погружённый в мутную бессмыслицу, где всё перемешалось – мятые черновики диссертации, сизый дымок из трубы крематория (тонкой струйкой в низкое равнодушное небо), немытые тарелки на кухонном столе, Ларискин торопливый звонок из Челябинска, тот гнусный вечер вторника и зыбкая стенка после их странного разговора, хотя, если разобраться,

ничего странного нет, всё просто как теорема Пифагора, лишь он, карась-идеалист, на что-то ещё надеялся.

А грязь на брюках, липкая, издевательски-рыжая, которую утром, матерясь себе под нос, сдираешь облезлой щёткой! (И мозг, точно компьютер, отсчитывает секунды). И нужно успеть на автобус, который, впрочем, всё равно проедет мимо, не останавливаясь, он не может открыть двери – так плотно утрамбовано в его душном нутре злое недоспавшее население. Или, для полноты картины, свинячие глазки Шефа над пухлыми щёчками, его кривая, гаденькая улыбочка: «Мы сделаем соответствующие выводы, Сергей Петрович. И надо полагать, довольно скоро!» Так и хочется сказать в ответ: «Кто это мы? Вы же ещё, слава Богу, не император, чтобы во множественном числе именоваться!» Но этого, разумеется, не скажешь, потому что, во-первых, бесполезно. А во-вторых, ты живёшь по принципу: «Не тронь дерьмо – не завоняет.» А потом ещё этот сосед по лестничной клетке, говорят, майор *оттуда*, хотя как проверишь, они, оттудашные, формы не носят, но тем не менее сосёт под ложечкой от его хитровато-дружелюбного взгляда, можно подумать, он знает о тебе больше, чем ты сам, но молчит со значением.

А бессонные ночи, слякоть за окном и противный вкус разгрызаемого димедрола, и утром от него муть в голове и тупая злость.

А дымок из трубы крематория таял в сером небе, и в голове точно магнитофонная лента прокручивалась: «Один. Один. Совсем один. Совсем один. Совсем. Один!» Почему-то на слово «один» выплывала рифма: «Иди!» Зачем идти, и куда?

Но росла гора немытой посуды на кухонном столе, и угрюмые рыжие тараканы шуршали по ночам, да так, что Сергей не мог уснуть, а иногда и шлёпались на него с потолка, ползали по лицу. Наверное, они забирались и в его сны. Что было в этих снах, проснувшись, Сергей забывал, но видно, что-то уж очень скверное. Он просыпался среди ночи как ошпаренный, грыз димедрол, чтобы провалиться в новый кошмар.

Странно, что он не начал пить. Впрочем, к водке его никогда особо не тянуло. Хотя в прошлый понедельник он всё же налил себе полстакана. Всё из-за этого типа, непонятно кому и зачем звонившего. Шестой час, сознание заполнено липкой паутиной, и назойливые телефонные звонки – как выстрелы, как удары по щекам. И пьяненький, совершенно незнакомый голос: «Ты чего же это, кореш, а? Торопись, Серый, пошевеливайся, заждались мы тебя...» Смех – и тут же коротенькие гудки отбоя. Вот тогда-то он и потащился на кухню, щёлкнул выключателем и полез в холодильник, отыскивая припасённую на всякий пожарный бутылку. Руки у него тряслись как у заправского алкоголика, горлышко звякало о край стакана, а сам он тихо, тупо глядя перед собой, бормотал: «Нет, это всё... Больше так нельзя... Некуда. Всё, приехали», – а дальше уже что-то нечленораздельное.

Самое страшное – его ещё с детства никто не звал Серым. С восьмого класса, когда отцу дали вот эту самую квартиру, и пришлось перейти в новую школу. Что же такое творится? Конечно, он понимал – звонили какому-то другому Сергею, имя нередкое, да ошиблись номером. Алкаш с похмела не ту цифру набрал. И вообще день с ночью перепутал. Всё было правильно, но Сергей не мог в это поверить. Он чувствовал, что звонили именно ему.

А вдобавок, будто мало всего прочего, уже месяца два как появились странные боли в спине, но к врачам идти не хотелось, бюллетень всё равно не выпишут, зато придётся гробить время в хмурых очередях, таскаться на анализы, и в конце концов за всем этим мельтешением уловить негромкую интонацию, едва различимую мысль: «А иди-ка ты, мужик, отсюда на...» И он пошёл бы, именно по тому адресу бы и пошёл. Если бы не Старик.

Господи, это было лишь вчера вечером! А кажется, целая жизнь прошла с той минуты, когда Старик не торопясь, с достоинством вышел из обклеенной в синий горошек стены.

Но хватит воспоминаний. «Пора в дорогу, старина...» Вон издали уже подползает к платформе похожая на мокрую гусеницу электричка, рассекает жёлтым фонарем плот-

ную стену тумана. И клочья его кажутся живыми тварями, сгустками издыхающей осени. Вообще, если подумать, он, Сергей, должен быть благодарен судьбе за промозглую вечернюю муть. Именно в такую погоду и стоит уходить. Если бы печальный багровый закат, или, к примеру, бледный диск луны в прозрачном небе – вот тогда бы зашевелились в душе сомнения. А сейчас, под моросью, наконец-то пришла окончательная ясность. Конечно, с формальной точки зрения он ещё может всё переиграть, может вернуться. Вот прямо сейчас достать из кармана плаща конверт, швырнуть под колёса электрички и быстро зашагать к светящейся вдали станции метро. Да, это ещё можно сделать.

Но что потом? Сунуть голову в петлю? Прыгнуть с десятого этажа в ноябрьскую ночь? В горячей ванне кухонным ножом резать вены? Или махнуть на всё рукой, выдавить из сердца боль и зажить как среднестатистическая единица населения? Но зачем себя обманывать? Не такой он породы, чтобы приспособиться. Уж куда вероятнее петля. Нет, к дьяволу такие мысли. Решение принято – и точка.

Он не суетясь вошёл в вагон и огляделся. Было светло, сухо и пусто – лишь тремя сиденьями впереди расположилась пожилая чета с вертлявой маленькой внучкой. Внучка сосала леденец на палочке, не забывая при этом смешно таращить глаза и что-то шептать на ухо бабуле.

Очень может быть, эти старики и девчушка – вообще последние люди, кого он видит. Кто знает, что будет *там*? Ну что ж, не самые худшие представители обречённой цивилизации. Будет что вспомнить...

Он сел у окна. Не спеша поехала назад платформа, едва заметная в иссечённом кривыми струйками окне. Где-то вдали, словно раненый динозавр, взревел маневровый тепловоз – и всё стихло. Лишь гудение ламп над головой да ритмичный стук колёс. И опять ему почудилось, будто слышна в негромком лязге старая песенка: «Один. Один. Совсем один. Совсем один. Теперь – иди!» Впрочем, Сергей не слишком ободрялся – от себя не убежишь. Что бы ни ждало его в ночной неизвестности, всё равно останется с ним тягучий, назойливый ритм.

Страшнее другое. Вдруг там, впереди, мираж? Вот этого он боялся больше всего, в этом страхе не хотел признаваться даже самому себе. Вдруг всё происшедшее – блеф? Мало ли... Вдруг всё окажется сном, болезнью, чьей-то изощрённой и подлой шуткой? И ему придётся ехать обратно – в промозглый, совсем чужой теперь мир. И если до Старика в этом слякотном мире ещё можно было кое-как, с грехом пополам, существовать, то теперь всё неуловимо изменилось. Возвращение – дорога к петле, мосты сожжены, и билет он взял только в один конец. И лежит в кармане плаща конверт. А в конверте – бумага с точным указанием места. Кстати, после электрички придётся топтать довольно долго, да ещё в темноте. Надо обязательно успеть до полуночи. Они, как сказал Старик, ни минуты ждать не станут. *«Если захотите – успеете. Это, можно сказать, последняя проверка»*. И выходит, что времени в обрез. Но он не опоздает, нет. Слишком много поставлено на карту.

Он поднял голову от какого-то шума. И несколько секунд хлопал глазами, отгоняя клочья мыслей, пытаясь понять, что происходит.

Но всё было предельно ясно. В вагон не спеша ввалилась разудалая троица и, продолжая начатый разговор, оживлённо комментировала сучье поведение некоего Коляхи. Троица разместилась на скамейке как раз между Сергеем и пожилой четой. Ну что ж, под газком ребятишки, – механически подумал Сергей. – Сопляки, явно ещё допризывники. Интересно, как будут дальше развиваться события? И будут ли развиваться? Сергей чувствовал, что должны. Надо же судьбе напакостить ему напоследок? Хотя это его уже не волновало. Всё, отрезано. Между ним и миром уже стоит невидимая, но прочная стенка.

Любопытно, только сейчас он в состоянии оценить слова: «Не от мира сего». В самом деле, скоро он исчезнет, и никто здесь не почешется. Мир – слишком устойчивая конструкция. Но верно и обратное. Ему мир тоже теперь до лампочки. Не волнуют его уже ни вагонные скандалы, ни утверждения диссертаций, ни неуклонное повышение потребностей потребляющих. Неизвестно, стоит ли ради этих потребляющих вообще что-то делать? Пускай даже и не в здешнем пространстве-времени.

Однако, ситуация набирает обороты. Интересно. Почтенный дедуля оторвался от изучения «Советской России» и сделал парням строгое внушение. Дескать, им, подрастающему, понимаешь, поколению, вообще не положено матерно выражаться, тем более при пожилых женщинах и малых детях.

Один из парней поднял на деда скучающие оловянные глаза и посоветовал старому таракану заткнуть хлебало, пока не огрѐб на полную катушку.

Дед, однако, хлебало не заткнул, а напротив – поднялся со скамейки и, подойдя к парням, потребовал извинения. Не для того он прошел фронты и целину, чтобы всякая там шпана...

Ребятишки оживились, дурная энергия в них бурлила и пенилась, так что деда с его моральями они сочли подарком судьбы. Кто-то надвинул ему на глаза кепку, кто-то сорвал очки и швырнул их в конец вагона – давай, мол, ветеран, топай за окулярами.

И тут завизжала внучка. Словно котёнок, которому собираются отрезать лапу. Бабка растерянно хваталась то за сумку, то за спинку сиденья, разрываясь между мужем и девчонкой, обречено лоя сухой воздух разинутым ртом.

Ну ладно, хватит, – решил Сергей, поднимаясь. Противно засосало в животе, как всегда в таких делах. Кстати, любопытно, что до сего момента ребята не брали его в расчет. Видно, решили что спит. Или нализался до зелёных чѐртиков.

– А со мной вы не хотите пообщаться, молодые люди? – ядовито осведомился он, подходя поближе.

– Тебе что, мужик, больше всех надо? – тут же услышал он стандартное приглашение.

– Ну, больше – не больше, а кое-чего неплохо бы, – равнодушным тоном ответил Сергей и тут же, безо всякого перехода, резко ударил самого мощного каблуком в коленную чашечку, а потом, не давая опомниться – ребром ладони в основание шеи. Так, – подумал он механически, – один имеется.

Когда оставшиеся двое поняли, что уже *началось*, Сергей принял низкую стойку и иронически оглядывал компанию.

– Имеются ещё кандидаты на соискание? – ласково поинтересовался он и, как бы между делом, уклонился от удара ноги. Впрочем, уклонился лишь на самую малость – чтобы, захватив её ладонью, резко дёрнуть вверх. Да, сопляки и есть сопляки. И волком выть хочется, и хвост щенячий. Он сразу, ещё до того, как поднялся, смекнул, что драться всерьёз эта молодёжь не умеет, а умеет только издеваться да калечить. Даже и без всякой китайщины – армейской десантной подготовки оказалось против них вполне достаточно.

– Мотаем отсюда! – скомандовал один из парней, самый мелкий и, по всему виду, самый сообразительный. – В натуре, на каратиста нарвались, так твою налево!

Сергей чуть отодвинулся и будничным тоном произнёс:

– Нет уж, детишки, слегка погодите. Сперва извинитесь перед дедушкой и бабушкой. Мне любопытно, умеете ли вы это делать? Потом поднимите и подайте очки, а после, так уж и быть, уматывайте. А то ведь я вас могу и не отпустить. Вот так-то, братцы-поросятцы.

Ему было противно. До тошноты, до резей в желудке. Он молча наблюдал, как выполнялись условия капитуляции. Потом так же молча позволил парням удалиться. После чего пришлось выслушивать благодарности супругов, молча кивать распалившемуся деду, меч-

тающему лично покосить эту мразь из пулемёта. Отворачиваться к мокрому окну от внучки («Поблагодари дядю! Скажи дяде спасибо! Он нашего дедулю защитил. Дядя хороший!»)

Сергей бы с радостью ушёл в другой вагон, но оставалась ещё вероятность, что вернуться молокососы – брать реванш. Ничтожно малая вероятность, но всё-таки... Назвался груздем – полезай в кузов.

Неужели эта скучная, банальная сцена окажется последним его здешним воспоминанием? Грустно, коли так. Грязь, пошлость, наглость... Повсюду, со всех сторон. И в то же время Старик прав – как разделишь на овец и козлищ? Но его трясло точно в лихорадке. И он даже не мог понять, кто сильнее обжёт ему душу – вредливые пацаны или вот эти милые старички, радеющие о пулемётной справедливости и так униженно благодарящие?

Ну и хрен с ними со всеми! Сергей повернулся к окну, но во тьме ничего нельзя было различить. Лампы над головой негромко гудели, мёртвый, бледно-лиловый свет заливал вагон, а колёса выстукивали своё: «Один. Один. Совсем один».

2

Всё же уснуть не удалось. Непрошенные мысли тучами роились в голове, жёлтыми вспышками мелькали во тьме, и справиться с ними было невозможно. От этой невозможности становилось тоскливо – видеть, болезнь берёт своё. Странная болезнь, поначалу тихая и незаметная, ну подумаешь, настроение плохое или слово какое-то непонятное выплывает. А потом как разыгралась! Все эти подозрительные воспоминания о том, чего не было, визиты *Белого* ... И чего *Белому* надо? Зачем является? Может, ему просто нравится мучить Костю своими идиотскими разговорами? Может, он от них кайф ловит? И не прогнать его никак. Может, в следующий раз поиграть в молчанку? Ни слова не говорить ему, не отвечать на вопросы, просто стоять, глядя под ноги, точно воды в рот набрал? Да не получится, наверное. Хочешь – не хочешь, а приходится с ним общаться. И к тому же эти его глаза. Поначалу вроде бы глаза как глаза – ну, большие, ну, серые. Самые обычные глаза. А притягивают. И ничего тут не поделаешь – приходится в них смотреть.

Стоп! Как-то странно он, Костя, рассуждает. Получается, будто *Белый* на самом деле есть? Но разве он не галлюцинация? Видно, придётся завтра всё рассказать Серпету. Хватит тянуть. Интересно, а что Серпет скажет? А вдруг сразу Санитаров вызовет? Тем более, он, наверное, по какой-нибудь инструкции просто обязан это сделать. Может, не говорить ему всего? Про *Белого* рассказать, а про ложную память не стоит. Или наоборот? Но тогда что толку говорить? Ведь болезнь так и останется. Всё останется – и клюшка, и мама, и *Белый* со своими моральями.

Но откуда же *Белый* про всё знает? Про клюшку, про тётю Аню и градусник? Ведь как получается? *Белый* – это глюк. Значит, всё, что он говорит, Косте лишь чудится. А на самом деле этого нет. Вроде бы всё правильно. Но тут выплывает мелкий вопросик. Мелкий, но пакостный. Откуда берётся всё это? Всё, что чудится? Конечно же, из его собственной, Костиной головы. И что тогда выходит? Выходит, Костя раньше и сам знал про клюшку и про всё такое? Но как можно знать то, чего нет? Значит, они есть на самом деле? И вообще, что такое клюшка? Слово вроде бы непонятное, а ведь помнит он белые полосы на темно-синем...

Но хватит себя мучить. Завтра Серпет всё ему объяснит как следует. Наверное. Не может быть, чтобы не объяснил. А сейчас надо выкинуть всё из головы и обязательно уснуть.

Только сперва в туалет сходить. А то вроде бы надо. Лень, конечно, из-под нагретого одеяла выползть, но потом ведь ещё сильнее захочется, и всё равно вставать придётся.

Он откинул одеяло и сел на койке, нашаривая ногами тапочки. Потом осторожно, чтобы никого не разбудить, пошёл по лунной дорожке к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.